

Рикайн

Бронис лава Вонсович

Эрна Штерн
и два ее брака

Академия Магии

Бронислава Вонсович

Эрна Штерн и два ее брака

«Бронислава Вонсович»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вонсович Б. А.

Эрна Штерн и два ее брака / Б. А. Вонсович — «Бронислава Вонсович», 2017 — (Академия Магии)

ISBN 978-5-699-93562-8

Кто привозит с практики гербарий, кто – коллекцию минералов, а Эрна умудрилась заполучить там мужа. И пусть выходила она замуж, чтобы спасти Штадена, самого несносного студента академии, от неминуемой смерти, но благословение Богини лишило молодоженов надежды на скорый развод. И вот теперь Эрна связана узами брака. Узами, которые не нужны ни ей, ни Штадену. Или нужны? Ведь боги редко ошибаются и уж точно ничего не делают просто так...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93562-8

© Вонсович Б. А., 2017
© Бронислава Вонсович, 2017

Содержание

Брак первый, случайный	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Бронислава Вонсович

Эрна Штерн и два ее брака

© Вонсович Б., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Брак первый, случайный

– Все эти звезды я дарю тебе, – сказал мальчик и ударил девочку железным тазиком по голове.

Глава 1

– Да уж, не повезло тебе, – вздохнула подруга.

Она как раз пыталась запахнуть очередное платье в сумку. Платье было явно лишним, но Грета все равно не сдавалась и надеялась найти в сумке еще не освоенные глубины. Глубины находиться не хотели.

Я промолчала. Стоило ли пережевывать одно и то же столько раз? Да, мне не повезло. Да, я умудрилась подхватить лихорадку во время сессии. Да, теперь вся моя группа едет на практику с куратором, а мне придется досдавать последний экзамен уже после их отъезда и ехать совсем одной, куда ректорат направит. Ну и что? Не умирать же теперь? В конце концов, месяц я как-нибудь протяну без Греты и без группы. Будет, конечно, грустно...

– Может, оставить его все-таки здесь, – с сомнением протянула подруга, разглядывая платье, которое упорно не хотело укладываться в сумку. – Девочки со второго курса говорили, все равно по большей части в штанах ходили, а платье надевали только в населенных пунктах, чтобы селян не пугать.

– Я думаю, что тех пяти платьев, что уже влезли, вполне достаточно, чтобы не пугать селян, – заметила я. – К тому же твоя сумка и без него неподъемная.

– Ой, да я к ней артефактик привяжу, – махнула рукой Грета. – Мне Марк подарил такую замечательную штуковину. Она вес вчетверо уменьшает.

Марк, Гретин жених, учился на четвертом курсе и собирался стать целителем, так что артефакты – это не самая сильная его сторона, и ради подруги он должен был очень постараться. Но, с другой стороны, он мог попросить кого-нибудь сделать или даже купить. Хорошо, когда есть кому о тебе позаботиться.

– Полезная вещь, – с легкой завистью сказала я.

У меня такого артефакта не было, а значит, все вещи придется тащить самой, так что я уже сейчас прикидывала, что возьму, а что здесь останется. Останется много, но красоваться мне там будет не перед кем.

– Ну все, бросаю его тут, все равно у него оборочка отпоролась, – решила подруга, вешая платье в шкаф. – А времени пришить может и не найтись.

Она застегнула сумку, начала собирать разбросанные по комнате вещи, по разным причинам оставленные здесь, и распахивать их по полкам. У меня появилась надежда, что весь беспорядок, устроенный ею при выборе одежды на практику, она же и ликвидирует, а мне не придется приводить комнату в порядок после ее отъезда, чего я опасалась. Грета огляделась, обнаружила забытый пояс на спинке стула, положила его на место и спросила:

– Ты пойдешь нас провожать?

– Не знаю, – неуверенно ответила я. – Все-таки это очень печально, когда все уезжают, а ты остаешься.

– Пойдем, развеешься, порадуешь Олафа своим появлением. – лукаво сказала Грета. – А то он так расстраивался, что ты не едешь. Ты когда в лазарете лежала, он меня через каждый час мучил вопросами о твоём самочувствии. Так переживал, так переживал...

Я покраснела. Олаф мне очень нравился, но все время, что мы были знакомы, он стеснялся лишний раз ко мне подойти, не то чтобы признаться в своих чувствах, поэтому в наших

отношениях не было никакой определенности. Да и не было их, этих отношений. Пойти, что ли, действительно проводить группу? Я покосилась на разложенные учебники по травничеству, сдать которое буду завтра. Наверное, достаточно уже выучила. А что не успела повторить, так повторю после отъезда одnogруппников. Решено, иду провожать.

Подруга привязала свой артефакт к сумке и легко, двумя пальчиками, приподняла ее.

– Гляди-ка, работает. Можно было и побольше всего напихать, – сказала она с немного удивленным видом, словно до этого момента сомневалась, что подаренный Марком артефакт будет работать как надо. – Ну что, идем?

Мы пошли. На площади перед академией стояли дилижансы, но в них еще никто не загружался, и лошади меланхолично пережевывали овес из торб. Вот странное дело – везде уже в ходу повозки,двигающиеся с помощью магии, а у нас, в магической академии, все по старинке, как было и сто, и двести, и пятьсот лет назад. Традиция, как говорит лорд Гракх, ректор. Но мне кажется, скорее предосторожность. С нашими студентами чем меньше магических вещей, тем лучше. Все, до чего дотягивались шаловливые ручки моих соучеников, в лучшем случае переставало работать, в худшем – взрывалось, и не всегда при этом обходилось без повреждений самих студентов. Целительское крыло академии работало постоянно, не простаивая без дела даже часа. Поэтому вполне понятно желание ректора уменьшить количество несчастных случаев. Лошадь в этом плане штука совершенно надежная, не требующая магической регулировки. Правда, требующая ухода, заботы и постоянной кормежки.

На площади было оживленно. Бегали кураторы с безумным выражением на лицах и пачками бумаг в руках. Студенты на их фоне казались островками спокойствия, стояли небольшими кучками, болтали, смеялись и не слишком волновались о предстоящей поездке. Мы подошли к нашей группе, и на меня сразу в большом количестве посыпались вопросы о здоровье и пожелания успеха завтра на экзамене. Меня охватило острое чувство жалости к себе – совсем скоро все уедут, и как же им будет весело такой компанией, а меня неизвестно куда отправят одну-одинешеньку. Но переживать долго не получилось. К нам подбежала совершенно измученная леди Кларк, куратор нашей группы, окинула всех грозным взглядом и спросила:

– Ну что, все уже подошли?

– Нет, – вразной по неселись ответы. – Еще нет Зольберга и Норда.

– Так, мальчики, – устало сказала она, – кто-нибудь быстренько за ними сбегал, а то уже отправляться пора.

Мальчики энтузиазма не выказали, каждый сделал вид, что у него прямо сейчас появилось совершенно неотложное дело – веревочку на мешке перевязать или грязь из-под ногтей ножиком выковырять. Но леди Кларк таким было не смутить, она ткнула пальцем сначала в одного, потом в другого:

– Так, ты – за Зольбергом, ты – за Нордом. И быстро!

Первый радостно ответил:

– Так вот же, Олаф уже идет!

Второму так не повезло, и он с явно выраженным возмущением на лице поплелся за опаздывающим. Скорость у него была такая, что сразу было видно – рассчитывает, что Норд подойдет раньше, чем отправленный на его поиски пересечет площадь. Но долго я на него не смотрела, так как Олаф подошел сразу ко мне и прошептал на ухо:

– Я попрощаться хотел, а вас уже не было.

– Я пошла Грету проводить, – радостно улыбнулась я. – Не сидеть же мне в общежитии, когда вы на все лето уезжаете?

– Да, – грустно сказал он, – теперь до осени не увидимся.

– Лето быстро пролетит, не заметишь, как уже и Открывающий бал начнется.

Открывающий бал – первое событие учебного года в нашей академии и последняя возможность развлечься перед началом учебы. Те, кто пытался развлекаться во время семестра, быстро понимали, что приходится выбирать – или учеба, или все остальное. Занятия магией пренебрежения не прощали.

– Да, Открывающий бал, – задумчиво сказал Олаф. – Я его буду так ждать. Особенно если ты пообещаешь мне первый танец.

Никогда раньше он столь явно не выражал свои чувства. Поэтому я немного смутилась, опустила глаза, но все же ответила:

– Договорились. Первый танец – твой.

Олаф расплылся в радостной улыбке, взял меня за руку и даже приоткрыл рот, чтобы сказать что-то.

– Так, мальчики-девочки, Норда уже ведут, быстренько прощаемся и грузимся! – вклинился в нашу идиллию звучный голос леди Кларк. – Времени уже нет, и так совершенно от графика отстали!

Олаф разочарованно вздохнул и отпустил мою руку, а я поняла, что его признание откладывается до осени. Но что оно непременно будет, я не сомневалась, и это наполнило сердце радостью. Мои одноклассники загрузились, подгоняемые леди Кларк, дилижанс наконец тронулся и поехал, чуть погромыхивая колесами по брусчатке. Я помахала вслед и пошла к себе. Я вспоминала наш короткий разговор с Олафом и невольно улыбалась. Просьба о танце – это настоящий прорыв в наших отношениях. И руку мою он неспроста взял. Какая жалость, что он подошел так поздно и не успел сказать что хотел. Эх, вот бы леди Кларк подождать пару минут. Я грустно вздохнула и открыла уже совершенно опостылевший к этому времени учебник. Не знаю, что я там собиралась найти нового – после стольких повторений я могла ответить на любой вопрос в любое время. Даже ночью, для чего мне и просыпаться было необязательно.

Это я и доказала на следующий день на экзамене, когда сдала сравнительно на «отлично». Любовалась я оценкой в зачетке недолго, нужно было идти в ректорат за направлением на практику. Секретарь ректора, добродушная толстушка инора Даббс, как раз пила чай и была рада угостить и меня.

– Эрна, деточка, сейчас еще один студент должен подойти, вместе поедете, – заворковала она, подавая мне чашку. – Подождешь немного, чтобы мне два раза вам все не рассказывать?

Конечно же, я согласилась и даже духом воспрянула – вдвоем все-таки не так скучно будет! И потом, у меня же нет такого замечательного артефакта, как у Греты, а тут, может, и таскать ничего не придется. Студент – это же существо мужского пола, значит, у него уже на подсознательном уровне заложена помощь слабым девушкам. Так мечтала я ровно до того момента, пока не открылась дверь и не вошел барон Штаден, который оказался моим напарником по практике. Я мысленно застонала, и совсем не потому, что уж это существо мужского пола наверняка не будет таскать за мной сумку. Главная проблема состояла не в том, что он был из благородных, таких у нас было предостаточно – все же в среде аристократии люди с Даром встречались намного чаще. И не в том, что учился Штаден у нас только со второго семестра, это тоже вполне пережить можно было. А в том, что был он законченной сволочью. По отношению к преподавателям он всегда балансировал на той грани изысканного хамства, которое в достаточной степени их злило, но не позволяло поднять вопрос об отчислении, тем более что учился он блестяще, несмотря на многочисленные попытки его завалить. Со студентами отношения у него тоже не складывались. Девушки млели от его черных глаз и черных же волос, которые он небрежно собирал в хвост. Его хищный профиль многим снился по ночам, а он охотно пользовался благосклонностью прекрасной половины нашей академии, но рассчитывать в отношениях с ним на что-то большее, чем кровать в его комнате, не следовало. Да и то на не слишком продолжительное время – менял он своих пассий часто. А парни после нескольких стычек опасались с ним связываться – в активе Штадена было четыре года службы

в действующей армии, четыре курса боевой магии Военной академии и великолепное владение клинком на уровне мастера. Дуэли с ним всегда заканчивались одинаково, вне зависимости от того, какой вид оружия использовался и применялась ли магия, – проигравшего противника оттаскивали с серьезными повреждениями в целительское крыло, а на самом бароне не оставалось ни царапины. Сейчас он, небрежно развалившись на стуле, с презрительным выражением лица выслушивал описание нашего назначения. А ехали мы в маленький городок Борхен оказывать посильную помощь тамошней травнице в заготовке всех частей лечебных растений – листьев, корней и цветов. Инора Даббс закончила инструктаж и выдала нам по экземпляру предписания, которое следовало прочитать и подписать.

Штаден взял листок с видимым неудовольствием, но читать начал внимательно, подпись свою ставить не торопился, как собиралась это сделать я. Я последовала его примеру и углубилась в изучение пунктов, которые заранее навевали на меня скуку. И вдруг мой напарник возмущенно сказал:

– Это что за ерунда? С чего вдруг при гибели на практике другого студента я обязан заниматься транспортировкой не только тела, но и вещей? Я в грузчики не нанимался.

Я быстро пробежала глазами по своему экземпляру. Надо же, в самом деле, этот пункт присутствовал. Как же так? Ведь считается, что практика безопасна? Я вопросительно подняла глаза на инору Даббс, но та не обращала на меня никакого внимания и выговаривала этому хаму:

– Лорд Штаден, вас должно успокоить, что и ваша напарница будет вынуждена оказать вам такую же любезность и позаботиться о вашем теле и вещах. А если учесть ваше поведение в последнее время, этот вариант кажется мне намного более вероятным, чем озвученный вами.

Возможно, она была права, но меня пугало само наличие этого пункта в выданной нам бумаге.

– Инора Даббс, – жалобно сказала я. – Нам же говорили, что практика абсолютно безопасна, а здесь такое написано?

– Это стандартная форма, – успокаивающе заворковала секретарь ректора. – В предписании мы постарались охватить все ситуации, которые могут возникнуть. Из моего опыта скажу, что не было ни единого случая, когда кто-то погибал на практике после первого курса. Вот после четвертого – да, было. Да и то всего два за столько-то лет. Эрна, сама подумай, что страшного может случиться при сборе лекарственных травок?

– Со мной ничего, – ответила я. – Но мне кажется, что... лорд Штаден не ограничится сборением гербария, а начнет пополнять свою коллекцию прекрасных дам.

– Не беспокойся, Штерн, тебя там точно не будет, – насмешливо сказал Штаден.

Он отложил свое предписание и теперь разглядывал меня с видом энтомолога, увидевшего редкую моль. В коллекции нет, но уж больно невзрачная. Украшением не станет, так, может, и не стоит тратить на нее свое время?

– Я беспокоюсь не о том, буду ли я там или нет, – разозлилась я на него, – поскольку коллекционер мне совсем неинтересен. А о том, что родственники других экспонатов могут выказать недовольство и прибить моего напарника по практике. А транспортировка тела – не такое уж приятное занятие.

– Не так-то просто меня прибить, – фыркнул Штаден.

– Никто никого не прибьет, – опять заворковала инора Даббс. – Практика пройдет мирно и спокойно. Городок маленький, тихий. Разве мы бы отправили в другой студентов-первокурсников?

Она еще некоторое время увещевала нас со Штаденом, напоирая на безопасность практики и стандартность формулировок. В конце концов мы подписали и оказались в коридоре с направлениями. Я посмотрела на напарника и подумала, что лучше бы поехала одна, чем в

компании типа, который уже сейчас вызывает у меня стойкое неприятие, чуть поморщилась, что, похоже, не укрылось от его взгляда, и спросила:

– И как мы будем добираться?

– Запомни, Штерн, – окатил он меня высокомерным взглядом. – Никакого «мы» не существует. Есть ты, и есть я. Как я буду добираться, тебя не касается, а как будешь добираться ты, меня абсолютно не волнует.

После этого он развернулся и неторопливо пошел по коридору. Я стояла красная как рак и переживала его слова. Можно подумать, я к нему напрашивалась! Похоже, практика будет намного хуже, чем мне казалось до этого момента...

Глава 2

До Борхена мы добрались одновременно, более того, даже ехали в одном дилижансе и всю дорогу старательно делали вид, что друг друга не знаем. Мне это удавалось без особого труда – я взяла с собой несколько справочников и сейчас с удовольствием их перечитывала. Штаден тоже развлекался как мог. Молча он сидел недолго, почти сразу сцепился с попутчиком, студентом-целителем. И когда тот позволил себе нелестное высказывание о нашей армии, мой сокурсник без всякой магии обычным ударом кулака разбил попутчику нос и сказал при этом, что ему будет полезно на себе потренироваться – и других будет мучить меньше, и говорить только после того, как хорошо подумает. Студент освободил место в дилижансе, больше никто не пробовал на прочность терпение этого гада, и оставшееся время поездки прошло спокойно.

Когда дилижанс прибыл в Борхен, я из него вышла и сразу спросила у пробежавшего мимо мальчишки, где здесь улица Кленовая. После чего подхватила тяжеленную сумку и без особой охоты побрела в указанном направлении, мечтая о таком же артефакте, как у Греты, чтобы уменьшал вес, пусть не в четыре, а хотя бы в два раза. Пока моих знаний не хватало для такой серьезной работы, а дарить было некому. Но все может измениться уже осенью. Я вспомнила прощание с Олафом, настроение улучшилось, сумка показалась не такой уж тяжелой, а улочка, по которой я шла, – очень красивой. Правда, по другой ее стороне тащился нога за ногу Штаден и делал вид, что меня не замечает. Этакая избирательная слепота, не особо меня задевавшая. Я бы тоже его с удовольствием не видела. По закону подлости дом иноры Клодель, наша конечная цель, был как раз на стороне барона, так что, когда я вошла, Штаден уже беседовал с сухонькой старушкой и радовал ее известием о нашем приезде. Наша будущая наставница оказалась такой приятной и заботливой, что я уже начала надеяться на хорошую практику. Но тут выяснилось, что комната для студентов у нее только одна, зато с двумя кроватями. Жить месяц в одной комнате со Штаденом? Ужас какой! Мне это совсем не понравилось. Я жалобно посмотрела на напарника, но он ответил совершенно невозмутимым взглядом. Еще бы, для его репутации одной девицей в комнате больше, одной меньше – разница невелика.

– Штаден, а ты не хочешь снять комнату в гостинице? – прямо спросила я его.

– Я не так богат, чтобы разбрасываться деньгами, – отрезал он. – Не переживай, Штерн, меня твои прелести волнуют в последнюю очередь.

– Мне не нравится проживание в одной комнате с посторонним мужчиной, – намекнула я.

– Хочешь сказать, что тебя волнуют мои прелести настолько, что ты за себя не ручаешься? – насмешливо приподнял он бровь. – Не переживай, я в состоянии удержать тебя от опрометчивого поступка. В конце концов, я мужчина, я сильнее и физически, и магически. А выдержки у меня после службы в армии хватает.

Наверное, я покраснела. Но больше от злости, чем от стыда. Мне так сильно захотелось его чем-нибудь стукнуть, что я невольно начала осматриваться вокруг в поисках подходящего предмета. Но, как назло, кроме кроватей и тумбочек, в комнате ничего не было.

– Действительно, как-то нехорошо получается, – задумчиво сказала инора Клодель, до которой наконец дошла серьезность ситуации. – Но еще одной комнаты у меня нет. Зато есть прелестная ширмочка, – оживилась она. – Вы можете разгородить комнату и даже не видеть друг друга.

За ширмочкой наша наставница отправилась тут же. Но разделившая нас перегородка была хоть и красива, но не слишком велика, даже кровать от посторонних взоров не закрывала полностью. В конце концов барон все же снизошел до проблем нас, простых смертных, вбил своими благородными ручками два гвоздика под потолком, на которых растянули занавеску, также принесенную инорой Клодель. А когда «прелестная ширмочка» перегородила вход на

мою половину со стороны двери, я с облегчением вздохнула, что не преминул отметить Штаден:

– Мне тоже не доставляет удовольствия постоянно видеть твою физиономию, Штерн. А твои балахоны вообще могут довести до заикания кого-нибудь с менее слабой психикой.

Можно подумать, я так ужасно одеваюсь! Да, я не люблю носить обтягивающее, мне в нем неудобно, но обозвать мою одежду балахонами! Я возмущенно посмотрела в сторону занавески, но Штадена за ней видно не было, поэтому я немного успокоилась и перевела взгляд на свое платье. Пусть оно немного свободное, зато под него не нужны никакие корсеты. Никогда не понимала, как можно постоянно носить это пыточное орудие. Правда, в нашей группе носили их многие, а моя старшая сестра Шарлотта постоянно надо мной посмеивалась и говорила, что в таких платьях, как у меня, могут ходить только хронически беременные иноры среднего возраста, а никак не молоденькие инориты, которым есть что показать. Может, она и права? Я задумчиво собрала на боках лишнюю ткань, скрывающую мою талию от посторонних взглядов, но покосилась на сторону Штадена и тут же твердо решила, что подстраиваться под вкусы этого хама не буду. Вот если бы такое сказал Олаф, я бы непременно задумалась. Но ему я и в таком платье нравлюсь.

На занавеске и ширмочке забота иноры Клодель не закончилась, она накормила нас ужином, жидкой овсяной кашей на воде, немного недосоленной и без капли жира. Даже мне это не хотелось есть, а уж наш избалованный аристократ не преминет высказаться. Но Штаден поморщился, поболтал в тарелке ложкой, поблагодарил и начал есть. А когда тарелка опустела, задумчиво в нее посмотрел и спросил:

– Штерн, а ты готовить умеешь? Давай ты это возьмешь в свои руки, чтобы не обременять нашу руководительницу.

Готовить Штадену? Пусть даже не надеется!

– Я тебе что, повариха? – возмутилась я.

– По одежде очень похожа, – парировал он.

– В обязанности студента на практике это не входит.

– Хочешь, я тебе буду доплачивать за готовку? купишь себе нормальное платье.

Доплачивать? Я аж задохнулась от возмущения. Тоже мне, работодатель нашелся! Хорошо хоть, не предложил сразу платьем расплатиться, выбранным исключительно на его вкус.

– Меня и это устраивает! – отрезала я. – Я работать на тебя не собираюсь!

Штаден нехорошо прищурился.

– Да? Может, мне выдрать гвозди из стены, а то я тоже на тебя работать не собирался?

– Ты работал на себя тоже! – не согласилась я.

Сам же говорил, что видеть меня лишний раз не хочет. Так что занавеска висит к обоюдному удовольствию. Он не видит меня, я его, и всем хорошо. А если бы не слышать, было бы еще лучше...

– Эрн, Кэрст, не ругайтесь, – обеспокоенно сказала наша хозяйка. – С завтрашнего дня будет готовить моя соседка, академия выделила на это деньги.

Надо же, у их высокомерия даже имя есть – Кэрст! Такое же гадкое, как и его обладатель. Посуду после ужина я все же помыла, не для того, чтобы произвести впечатление на напарника, а чтобы хоть как-то отблагодарить инору Клодель.

На следующее утро, очень рано, мы направились в болотистую низинку, заросшую аиром. Грязь под ногами противно чавкала и пыталась если не полностью меня засосать, то хотя бы взять налог обувью. Над головой противно зудели комары, которые так и норовили вцепиться в любое незащищенное одеждой место. Почему-то я их привлекала намного больше нашей руководительницы и Штадена.

– Конечно, сейчас не очень подходящее время для заготовки корневищ, – радостно щебетала инора Клодель, – но ко мне так редко присылают студентов мужского пола. А корни в это время только чуть послабее, чем ранней весной.

Наша руководительница довольно бойко семенила по пересеченной местности, я с трудом за ней успевала. Вот когда начинаешь понимать всю важность спортивных занятий и ежедневных тренировок! Штаден молча тащил лопату и несколько мешков. Если его и не радовало выкапывание корней по колено в болоте, то он это успешно скрывал.

– Это необычайно полезное растение, – воодушевленно продолжала инора Клодель. – И где оно только не используется! В обычной врачебной практике во многих случаях, в алхимии для разнообразных зелий – прозрения, защитных, любовных.

– О, Штерн, – тихо заметил Штаден, – слышала, «для любовных». Хочешь, накопаю тебе лишний мешочек? Из жалости. Как-то у тебя в этом плане не очень.

Меня мое «не очень» устраивало много больше, чем его «очень даже». Очередь из особей мужского пола у дверей в нашу комнату меня не привлекала, Мне нужен был только один. Мой.

– А у тебя виден богатый опыт использования подобных зелий, – язвительно сказала я. – То-то у тебя половина женского населения нашего общежития в постели перебивала. Я думала – личное обаяние, а оно вон как, оказывается...

Штадену мое замечание не понравилось. Еще бы – я усомнилась в его личной мужской привлекательности, которая не нуждалась в подобных средствах.

– Положим, мне любовные зелья без надобности, – недовольно заметил он. – Я заботу о ближних проявляю.

– Заботу о ближних? – заинтересованно протянула я. – Тогда можешь лишний не один, а два мешка накопать? Все равно их нести тебе, а инора Клодель будет просто счастлива от твоей заботы.

Он хмыкнул, но дальше приставать ко мне не стал. Наверное, побоялся, что придется осчастливливать нашу наставницу, а в его планы входили лишь насмешки надо мной, но никак не лишняя работа. А может, стало не до шуток – мы уже пришли к месту, намеченному нашей руководительницей. Штаден выкапывал растения покрупнее и отрезал от них корни, которые я отмывала и аккуратно складывала в тень дерева, чтобы избавились от лишней воды, но не начали неправильно высыхать.

После прорезивания местного айрного сообщества инора Клодель разразилась лекцией о полыни, до места произрастания которой нужно было еще добраться. Вот нет чтобы сначала за полынью сходить, ее же тащить намного легче. А так теперь туда с айром идти придется. Штаден благородно взял на себя доставку обоих мешков с ингредиентами для столь ценимого им зелья. Наверное, планировал себе отсыпать и боялся, что я по дороге растеряю.

– Полынь, дорогие мои, – восторженно говорила наша руководительница, не замечая ничего вокруг, – у нас можно найти девяти различных видов. И не все они имеют одинаковую ценность для алхимиков и целителей. Да, для того же зелья предвидения можно взять экземпляр любого из этих девяти видов, но результат будет напрямую зависеть...

Для меня в ее лекции ничего нового не было. Лучше бы она какую-нибудь местную легенду рассказала, а то говорит, словно по учебнику читает. А я же травничество только недавно сдала, из головы еще ничего не выветрилось, и смогу необходимую полынь определить без подсказок.

До места произрастания нужной травы мы добрались быстро и сразу приступили к сбору. Радовало, что теперь не было необходимости смотреть на Штадена постоянно, я даже спиной к нему повернулась, настолько меня раздражал его наглый вид. Полынь я смогу срезать и без его помощи. Я повторяла себе это в очередной раз, когда рядом с ногой что-то прошуршало, вверх поднялась мерзкая приплюснутая голова с длинным, раздвоенным на конце языком, и раздавалось громкое шипение. С громким воплем я отлетела метра на два и тогда лишь заметила, что

это морок – змея просвечивала насквозь. Кто был автором данной пакости, я не засомневалась ни на мгновение, вскипела от злости, повернулась к Штадену и начала хлестать его полынью, которую не выпустила во время прыжка и судорожно продолжала сжимать в руке.

– Что, Штерн, испугалась? – издевательски спросил он.

От моих ударов он легко уклонялся, хохотал и наворачивал круги вокруг нашей руководительницы, которую, казалось, из себя вывести невозможно, настолько она флегматично восприняла фантом змеи. Пару раз мне все-таки удалось стукнуть Штадена стеблем, но это было так мало, что совсем не удовлетворило мое чувство мести. Слишком ловким оказался этот гад – все же многолетние тренировки не проходят даром.

– В нашем краю считается, что если в первую неделю лета девушка отхлещет полынью парня, то он будет ее любить до конца жизни, – невозмутимо сказала инора Клодель.

Я испуганно отшвырнула от себя измочаленную ветку. Любовь Штадена – это совсем не то, о чем я мечтала. Пусть лучше его кто другой бьет.

– Поздно, – счищая с себя травяные ошметки, заявил этот тип. – Отхлестала, теперь я твой навеки.

– Правда, в это верят только в отдаленных деревнях, – продолжила руководительница практики.

– Тогда, Штерн, тебе не повезло. Хотя... Где там твоя деревня находится?

– Штаден, прекращай развлекаться за мой счет, – зло сказала я.

– Согласись, что за счет иноры Клодель развлекаться менее интересно, – ответил он мне. – А ты так забавно злишься.

Я попыталась успокоиться. Если ему нравится смотреть, как я злюсь, не стоит доставлять ему удовольствие.

– Будь так добр, найди другой источник развлечения, – сухо сказала я. – До сих пор тебе и без меня достаточно весело жилось.

Штаден не ответил, лишь посмотрел на меня с явной насмешкой.

– Мне кажется, – важно сказала инора Клодель, – что мы уже можем возвращаться в город.

Ее слова необычайно меня обрадовали. Мне казалось, еще немного, и меня можно будет прикопать где-нибудь рядом с этой гадкой полынью. Сил на обратную дорогу еле-еле хватило. Мы тащились, нагруженные мешками с корнями и тюками с травой, как вьючные лошади, по центральной улице Борхена. И мечтала я только об одном – добраться поскорее до дома иноры Клодель, помыться и вытянуться на кровати. Даже есть не хотелось.

И тут навстречу нам идут две инориты, обе такие чистенькие, что я невольно подумала, как ужасно выгляжу, перемазанная илом и травяными ошметками. И внешне они были довольно привлекательные. Одна такая темненькая шатеночка со вздернутым носиком и ярким капризным ртом, а вторая рыженькая с россыпью веснушек по белоснежной коже, которые ее совсем не портили, а лишь добавляли пикантности. На кого из них сделал стойку Штаден, я так и не поняла. Напоминал он при этом любимого охотничьего сеттера моего дядюшки, разве что задранного вверх хвоста не хватало. Но для девиц хвост оказался не столь важен, они косили глазами в нашу сторону и глупо хихикали. Штаден приосанился. Надо признать, что даже после дня на природе этот гад умудрялся выглядеть достаточно привлекательно – ни разводов пота на одежде, ни траурной каймы под ногтями. И как он этого добивается? Я, например, под ногти вдавила мыло, и все равно оно уже выкрошилось, и ногти придется отдраивать щеточкой. Загар ему идет, с невольной завистью вздохнула я. Такой ровный, золотистый. А вот я после дня под солнцем покраснела, и кожа начинала побаливать. Инора Клодель пообещала помочь примочками. Но когда это будет? Не раньше чем доберемся до ее дома.

– Штерн, ты донесешь мои травки до дома? – заинтересованно оглядываясь вслед уходящим девушкам, выдал Штаден.

– Ага, после чего тебе придется выполнять пункт предписания. Тот самый, по доставке моего хладного тела в академию.

– С чего это вдруг?

– Да ты посмотри на свой груз и на меня! – всплила я. – Он меня сразу раздавит! Останется только в рулончик скатать.

– Ну, не преувеличивай. Пары мешков для этого явно недостаточно, – неуверенно сказал Штаден.

Меня его расчеты количества мешков, необходимых для моего убиения, не убедили. Жертвовать собой ради его очередной интрижки я не собиралась.

– Ничего, – недовольно сказала я, – отнесешь и догонишь. Они вон как медленно идут. Посмотришь на них еще раза два – так вообще на месте шагать станут.

Местные красотки действительно почти уже не отдалялись от нас. Очень уж им хотелось, чтобы столь привлекательный молодой человек их непременно догнал.

– Кэрст, – вмешалась наша наставница, – вам не следует ухаживать за этими иноритами. Одна из них – дочь бургомистра, а вторая – невеста его сына. Да и времени у вас на такие пустяки нет. После обеда мы займемся сортировкой принесенной полыни, и вы мне будете нужны.

– Положим, с этим Штерн одна справится, – неожиданно сказал Штаден. – Она мне глубоко моральную травму нанесла, пусть отрабатывает.

Вид у него был такой нагло-снисходительный, словно не я его морока испугалась, а он моего. И хоть я незадолго до этого решила не обращать на него внимания, но тут не выдержала:

– Чем это тебе травму нанесла?

– Жестокими побоями, – ответил он, подпустив в голос трагизма. – Всего исхлестала совершенно безжалостно. Вон у меня даже кровь на руке осталась.

– Это у тебя раздавленный комар!

– Вот! Даже бедное животное не пожалела!

Так потекли дни нашей практики. С утра мы обычно шли в леса-поля на заготовку различного растительного сырья, к обеду возвращались, сортировали и раскладывали – что на сушку, что на вытяжку. Все это время инора Клодель рассказывала о свойствах того или иного растения, с чем его можно смешивать, а с чем категорически нельзя. Надо признать, что Штаден вел себя по отношению к ней уважительно, ко мне без необходимости не обращался, правда, когда обращался, обязательно пытался задеть. Но я старательно делала вид, что его не вижу и не слышу. Вечером, как правило, барон уходил по своим важным баронским делам, иногда эти дела сами к нам забежали и глупо хихикали. Занавеска не скрывала ни единого звука, о чем я ужасно жалела, хотя Штаден и не позволял себе в этом помещении ничего лишнего, а девиц выставлял иной раз достаточно жестко. Но это не мешало им к следующему дню забыть свои обиды и опять вламываться в помещение неженатого столичного лорда. Их смешки и перешептывания мешали читать – я записалась в местную библиотеку, таскала оттуда романы и была бы совсем счастлива, если бы вместо занавески была толстенная стена или у меня – хоть самый плохонький артефакт «полога тишины».

Целых три недели наше существование было относительно спокойным, но однажды вечером, когда мы вдвоем с хозяйкой пили чай и разговаривали о всяких хитростях, к которым прибегают травники, прибежал соседский мальчишка и завопил, что Штаден арестован за дуэль с сыном бургомистра. Стыдно сказать, но я даже испытала чувство злорадства: по мне, тюрьма – это самое место для таких, как этот нахальный барон, да и привычен он был к таким условиям. Но наша руководительница почему-то очень обеспокоилась и сказала, что для моего однокурсника ссора с бургомистром может плохо закончиться.

– Ой, да что с ним за пару недель случится? В Гаэрре его регулярно за дуэли сажали, – не поверила я. – Он за время учебы больше времени под арестом провел, чем в нашем общежитии.

– Видишь ли, Эрна, – серьезно сказала инора Клодель, – официально дуэли запрещены. В столице много аристократов, поэтому там на такие вещи смотрят снисходительнее. А у нас, в провинции, более серьезное отношение к букве закона. Парой недель Кэрст не отделается. А если еще учесть, что бургомистр очень любит своего сына и имеет к аристократам свои счеты – его первая жена сбежала с проезжим графом, – то наказание будет суровым. Как бы на несколько лет не упекли твоего сокурсника.

Проблемы Штадена меня волновали мало, поэтому я лишь пожалала плечами и пошла спать. Кошмары с участием хамоватого барона меня не мучили. Честно говоря, я вообще выпалась впервые за все время в Борхене: тканевая занавеска совершенно не задерживала мощный аристократический храп, и я просыпалась по несколько раз за ночь – казалось, что на меня покушается огромная стая очень больших, очень голодных и очень злых хищников.

Следующим утром я в прекрасном настроении вместе с инорой Клодель отправилась в суд, полюбоваться на наказание Штадена. Я надеялась, что до конца практики больше его не увижу. И эти мысли наполняли меня такой радостью, что я даже согласилась бы носить передачи ему в тюрьму, если уж ни одна из тех местных девиц, что радостно к нему бегали все это время, не захочет взять над ним опеку. Я очень рассчитывала, что слова иноры Клодель подтвердятся и барон получит самый большой срок из возможных. Но бургомистр зашел много дальше. Ссылаясь на уложение о дуэлях, он потребовал смертной казни для нарушителя. Это было слишком неожиданно, все-таки его сын тоже был участником дуэли, а значит, под это уложение можно подвести и бургомистрова наследника. О таких тонкостях задумываться никто не стал. Присяжные дружно поддержали своего главу и утвердили смертную казнь через повешение. Наша руководительница схватилась за сердце и возмущенно проговорила:

– Что же вы такое творите? Это не суд, это бургомистров произвол! Кэрст же молодой совсем, у него ни жены, ни детей, у него жизнь только начинается, а вы его приговорили к смерти! Богиня такого не попустит!

Не думаю, что Богине есть какое-то дело до Штадена. Земные проблемы ее волновали очень редко, на каждого дуэлянта внимания обращать она не будет. Да и уверена я была, что такие, как Штаден, вообще не должны размножаться и чем раньше прервут их существование, тем лучше для окружающих. Если одного Штадена еще можно было пережить, то десяток способны запугать весь город. Но все же наказание даже я посчитала слишком суровым – ведь в результате дуэли никто не погиб, а второго участника вообще к суду не привлекали, что не очень-то и справедливо.

– Все по закону, инора Клодель, – недовольно сказал бургомистр. – Ни единого параграфа его мы не нарушили и не нарушим. Хотите – сами свод законов почитайте.

Он выразительно потряс толстенным фолиантом, лежащим перед ним на столе. Но инора Клодель даже не обратила на это внимания.

– Инор бургомистр, одумайтесь! Академия после такого безобразия не будет присылать студентов в Борхен!

– Не будет, и не надо, – важно сказал бургомистр. – Зачем они городу нужны? От них одни проблемы и никакого дохода казне! Еще возражения есть?

Инор судья недовольно на него посмотрел, но не возразил, а лишь повторил вопрос. Больше никто за Штадена не вступился. Бургомистр оживился и предложил не переводить казенные харчи, а привести приговор в исполнение как можно скорее. Я посмотрела на осужденного – Штаден был абсолютно спокоен, как будто это не его собирались вешать, а общежитские простыни на просушку. Он молчал и, казалось, даже не слушал, что там в зале говорят. Так же спокойно он пошел на площадь.

Пока жители города собирались на площади, где стояла виселица, бургомистр важно покачивался на каблуках с довольным видом. Когда он решил, что народа уже достаточно, выпятил и без того выдающийся живот и важно зачитал решение о казни. Инора Клодель

запричитала о неоправданной жестокости приговора, она прижимала к лицу мгновенно промокший кружевной носовой платок и цеплялась за мой локоть, словно боялась упасть без поддержки. Бургомистр недовольно на нее посмотрел и добавил:

– Поскольку мы все законы соблюдаем, что бы там некоторые ни говорили, то вот еще что. Ежели найдется девица, желающая взять его себе в мужа, то от казни он избавляется. Но он и его жена должны будут немедленно покинуть город без права на возвращение. Есть желающие?

Я с любопытством осмотрелась – интересно, найдется ли кто-нибудь, все-таки барон, хотя и совсем без денег, да и пользовался он у местных красоток несомненным успехом. Вон их сколько ломилось на его половину нашей комнаты. Но, наверное, потенциальные баронессы больше боялись разгневать бургомистра, чем хотели приобрести баронский титул. Ради любимого человека можно согласиться на изгнание, но ради совсем постороннего – мало кто готов. У некоторых инорит глаза покраснели, но сделать шаг вперед и согласиться на брак ни одна не решилась. Бургомистр выдержал положенные протоколом десять минут и махнул рукой палачу начинать. Штадена потащили к петле. Наша руководительница опять схватилась одной рукой за сердце, другой – за меня. И вдруг я поняла, что если немедленно не сделаю хоть что-то, то мне в скором времени придется транспортировать в академию хладный труп однокурсника и его вещи. Эта перспектива настолько меня напугала, что я решительно бросилась вперед и закричала:

– Стойте! Я готова выйти за него замуж!

В конце концов, магам разводы разрешены, если оба согласны и нет совместных детей, так что, как только отсюда выберемся, в ближайшем городе расторгнем брак, и все. Так я уговаривала себя, пока священник готовился к проведению ритуала. Сколько я там пробуду женой Штадена? Пару часов от силы. Детей мы за это время завести не успеем, на развод согласны оба сразу после заключения брака. И побыть баронессой даже забавно будет. Интересно, после развода титул сохраняется или нет? Кэрст, наверное, тоже решил, что лучше побыть моим мужем полдня, чем неопределенное время развлекать местную публику, болтаясь на виселице. С его стороны никаких едких реплик, столь обычных для него, не было. Священник торопливо забормотал положенные слова, терпеливо дождался наших ответов на заданные вопросы, а затем привычно обратился к Богине с просьбой благословить наш союз. Это было лишним – ни к чему благословлять то, что просуществует совсем недолго. Но у Богини было свое, отличное от моего мнение, потому что она вдруг взяла и откликнулась! Яркий луч прорезал тучи над головами, сияние окружило нас со Штаденом и растворилось, оставив на запястье неуничтожаемый след.

– Богиня благословила брак, – потрясенно выдохнул святой отец. – Истинный брак! Я такое видел за всю свою жизнь всего несколько раз.

Истинный брак! Это значит, что развод мы получить не сможем! Я в ужасе смотрела на тоненький ободок брачной татуировки, окружившей мое запястье, даже ногтем попробовала поскрести в надежде, что это всего лишь иллюзия, морок, который бесследно исчезнет через некоторое время. Но нет – никакой магии, одна лишь божественная воля. Я подняла глаза на свежеполученного мужа и встретила холодный взгляд и фразу: «Лучше бы меня повесили». В кои-то веки я была с ним совершенно согласна. Не думаю, что доставка тела заняла бы больше нескольких дней, а вот замужество таким коротким быть не обещало.

Стража препроводила нас по месту проживания и терпеливо дождалась, пока мы соберем свои вещи, инора Клодель с причитаниями подписала наши направления, пообещала собранные на нашу долю травки лично отправить в академию и написать замечательные отзывы о нас и нашей ей помощи. А затем нас вывели из города и оставили за воротами. Вот ведь какие, могли хотя бы на дилижанс посадить, все равно ведь из Борхена они полупустые ходят. А теперь стой, жди, когда кто-нибудь подвезти согласится.

– Если и есть у нас шанс расторгнуть брак, – мрачно сказал мой свежеспеченный «муж», разглядывая украшение на запястье, – так только в центральном храме Гаэрры.

Глава 3

Осознание, что вот это – мой муж, приводило в ужас. Меня трясло, а слезы удавалось удержать с огромным трудом. Штаден тоже счастливым не выглядел. Всю дорогу он угрюмо молчал и старался не встречаться со мной взглядом. Радовало лишь, что к нашим попутчикам он не цеплялся и поездка прошла относительно мирно. В Гаэрре мы прямо с дилижанса направились в главный храм Богини. В другой раз я бы непременно восхитилась этим величественным зданием. Казалось, солнечные лучи пронизывают его насквозь и заставляют сверкать каждый камушек. Золотые детали словно светились изнутри тем необыкновенным светом, что увидеть можно было лишь здесь. Но нынешнее плачевное положение не располагало к любованию архитектурными красотами, так что снаружи мы и мига лишнего не задержались. Внутри также было необычайно светло, солнечные лучики, проходя через многоцветные витражи, дробились на множество ярких огоньков, делали убранство храма необычайно веселым и праздничным. Расшитые ткани выглядели невесомыми, а сама вышивка на них переливалась и притягивала взгляд не меньше, чем виртуозно выполненное изображение Богини. Когда мы с Гретой заходили сюда, то проводили по несколько часов, любуясь всеми деталями убранства и испытывая необычайное чувство благоговения, которое в других храмах не достигало таких размеров. Но сейчас праздник вокруг нас лишь подчеркивал траур внутри. Тянуть мы не стали – обратились к первому же священнику, которого увидели. Тот долго не мог понять, чего мы от него хотим, а когда понял, укоризненно посмотрел и начал отговаривать:

– Дурное дело вы затеяли. Уж кому, как не Богине, знать, кто с кем должен быть. Вам двоим необычайно повезло. Богиня очень редко кого отмечает своим благословением, уж мне ли не знать. Вы счастливы должны быть, что она к вам снизошла.

Я счастья своего в таком браке не видела, что и попыталась донести до святого отца.

– Мы друг друга не любим. Я его видеть не могу, не то чтобы рядом находиться. Я не собиралась быть его женой, а хотела от казни спасти. Магам разводы разрешены, на что я и рассчитывала.

– Я тоже от нашего брака не в восторге, – поддержал меня Штаден.

Уговаривали мы священника долго. Он хмурился, недовольно на нас смотрел, приводил множество доводов в доказательство необходимости сохранить наш союз, но заставить нас признать его правоту так и не смог. Святой отец печально покачал головой и наконец воззвал к Богине. Наверное, та настолько утомилась, устраивая нашу личную жизнь, что к этому времени уже беспробудно спала, поэтому наши татуировки так при нас и остались. На всякий случай я снова, и даже более усердно, чем в первый раз, попробовала поскрести ногтем знак моей принадлежности к штаденскому семейству, вдруг татуировка прямо сейчас слезет и сделает меня опять свободной иноритой. Но, кроме небольшого покраснения на руке, ничего этим не добилась. Меня охватило отчаяние.

– Что нам теперь делать? – растерянно спросила я.

– Богиня считает, что вы созданы друг для друга. Вы должны попытаться стать счастливыми вместе, – пафосно сказал священник.

Выглядел он при этом очень довольным – ведь подтвердились его предположения. Но мы с «мужем» его мнение не разделяли. Штадена аж перекосило от такой перспективы:

– Счастливыми? Вы сами-то в это верите?

– Конечно. Если верит Богиня, то мне сомневаться не следует, – важно ответил священник.

– Я думаю, она случайно нас с кем-то перепутала, – жалобно сказала я. – Богиня одна, а нас, людей, много. Разве она может всех упомянуть?

– Вот именно, – веско сказал Штаден. – Еще варианты есть?

– Разве что попробовать прийти через год, – задумчиво ответил святой отец. – Но поверьте, если уж Богиня решила, что вам суждено быть вместе, грех этим пренебрегать. Идите, дети мои, любите друг друга и будьте счастливы.

Он сделал благословляющий жест и ушел от нас с чрезвычайно довольным видом, уверенный, что наставил на путь истинный. Но это было не так. Перспектива совместной семейной жизни не вдохновила ни меня, ни Штадена. Храм мы покидали в расстроенных чувствах. Я удерживалась от слез с огромным трудом, но носом пару раз все же шмыгнула, стараясь сделать это как можно незаметнее. Выйдя, я остановилась и задумалась, что же теперь делать. Штаден повернулся ко мне и презрительно поднял бровь.

– Бог мой, – мрачно процедил он. – Я надеялся поправить свои дела выгодным браком. А оказался пожизненно прикован к толстой деревенской дуре!

От возмущения у меня пропали все слова. Я его от смерти спасла, а он меня оскорбляет, и это вместо того, чтобы сказать спасибо! И не толстая я совсем! Что он гадости какие-то выдумывает? Объяснять, что это издержки моего любимого фасона одежды, я не стала. Я вообще больше с ним решила не разговаривать! Я гордо выпрямилась, вскинула голову, повернулась и пошла вниз по улице. Тяжелая сумка оттягивала руки. Настроение было препоганейшее. А тут еще Штаден догнал меня почти сразу:

– Погоди, нам надо договориться, что будем делать дальше.

Мы? Вот он, мой звездный час.

– Запомни, Штаден. Никакого «мы» не существует. Есть ты, и есть я. Что буду делать я, тебя не касается, а что будешь делать ты, меня абсолютно не волнует.

Мне казалось, я процитировала его достаточно точно, но Штаден лишь насмешливо вздернул бровь:

– Неужели? Дорогая, я не тащу тебя в ближайшую гостиницу провести нашу первую брачную ночь, а предлагаю никому не рассказывать об этом прискорбном случае. В следующем году опять попытаемся получить развод.

Я согласно кивнула – других идей все равно нет. Как я могла вообще подумать, что побыть баронессой будет забавно? Если Грета узнает о моей глупости, так и будет целый год дразнить «леди Штаден». А однокурсники... А Олаф... Что подумает Олаф, даже представить страшно. С доставкой тела в академию было бы куда меньше проблем. Но время назад поворачивать наши маги так и не научились, поэтому пришлось обсуждать со Штаденом все вопросы, которые могли возникнуть из-за моего неожиданного и совсем нежеланного замужества, после чего мы разошлись в разные стороны с огромным желанием больше никогда друг друга не видеть. Вероятность такого исхода была не нулевая. В конце концов, никто не запретит мне мечтать, что следующая штаденовская дуэль закончится для него весьма печально, а я стану вдовой.

С моей семьей тоже могли возникнуть сложности. Но тут я твердо решила – не ставить родителей в известность о своем временном замужестве. Поэтому в первой же попавшейся на глазах лавке с украшениями приобрела красивый серебряный браслет, плотно закрывающий узкую татуировку. Постояла немного у прилавка в раздумьях и купила еще несколько браслетов – нельзя же все время носить только один, тут заинтересуется не только Грета. Больше в Гаэрре делать мне было нечего, поэтому ближайшим дилижансом я отправилась домой. У меня оставалось еще целых полтора месяца каникул, которые я хотела провести в кругу своей семьи. И если уж на то пошло, я совсем не из деревни – наш Корнин второй по размеру после Гаэрры! Более того, он – торговая столица Гарма. Знати там было поменьше, но зато все самые крупные ювелирные дома, лавки артефакторов, торговые компании, лучшие лечебницы, в том числе косметологического направления, были у нас. Это только для таких, как Штаден, все, что не гармская столица, – сельская окраина. Интересно, сам он где вырос? Вот будет смешно, если окажется, что это какое-нибудь захолустье...

Дома мне больше всего обрадовалась сестра. Шарлотта вышла замуж только год назад, детей у нее пока не было. Ее муж, начинающий торговец, постоянно разъезжал по разным городам. Поэтому у родителей она зачастую проводила больше времени, чем в собственном доме. Родители были только рады этому. Дом у нас большой, мама даже предлагала молодоженам поселиться с ними, так не хотела расставаться со старшей дочерью, но тут заупрямилась сама Лотта, которой хотелось ощутить себя полновластной хозяйкой, чего под родительской опекой сделать было невозможно. Муж ее поддержал, и у себя она развернулась как могла. Но размер их квартиры был невелик, и сил у сестры оставалось предостаточно. Ее пристального внимания мне хотелось бы избежать – была она не только наблюдательна, но и настырна в достижении своих целей.

– Какой красивый браслетик, – отметила она, едва мы с ней поздоровались. – Но он совершенно не подходит по стилю к твоей одежде, как ты не видишь? Или ты решила свою одежду поменять? Давно пора!

Ее слова про одежду почему-то навели меня на совсем другие мысли.

– Лотта, представляешь, – вдруг вспомнила я, – меня толстой назвали.

– Ничего удивительного. Я давно говорю, ты к себе безобразно относишься. Мне стыдно иной раз за тебя бывает. Сама подумай, кто может разглядеть твою тонкую талию за такой занавеской? А парень хоть ничего, стоит переживаний?

– Какой парень? – не поняла я.

– Который тебя толстой назвал. Если бы он тебя не интересовал, ты пропустила бы его замечание мимо ушей, как ты обычно делаешь, и не переживала бы.

Вот еще, беспокоиться о мнении Штадена! Я бы о нем вообще не вспоминала, если бы не это отвратительное украшение на запястье.

– Я не переживаю, просто вспомнила.

Окончательно расстроившись при воспоминании о ненужном браке, я по детской привычке, от которой так и не смогла избавиться, начала грызть ноготь.

– Что ты опять как маленькая девочка, – возмутилась сестра и стукнула меня по руке. – Все, завтра начинаем из тебя нормальную девушку делать. Для начала платья шить. Правильного фасона, а не это не понять что.

– Мне еще бальное нужно, – вспомнила я. – У нас в первый день занятий бал будет. Я в прошлом году не знала, так в обычном пришлось идти.

А на этом я хотела блистать. А как же иначе? Ведь меня уже пригласили на первый танец! При мысли об Олафе мне стало необычайно хорошо, и на губах появилась мечтательная улыбка.

– Да? – Сестра оценивающе на меня посмотрела и необычайно оживилась. – Бал – это хорошо. Но одного платья мало. Нужно еще что-нибудь с твоими волосами сделать. Коса, конечно, это практично, но очень обыденно. Знаешь что? Научу-ка я тебя своей любимой прическе – когда одну шпильку вытаскиваешь, потом при любом резком движении вылетают все оставшиеся и волосы буквально волной льются. С твоей шевелюрой смотреться будет изумительно.

Я опять вспомнила Олафа, представила эту картину с ним в качестве зрителя, чуть порозовела и сказала сестре:

– Договорились, учи.

– И платья шьем по фигуре, – хищно сказала Лотта, оглядывая меня, – чтобы ни одно лицо мужского пола больше не усомнилось в наличии у тебя талии. Нечего семью позорить!

Я поморщилась. Мнение Штадена меня не особо волновало. И тут мне в голову пришла страшная мысль. Вдруг Олаф тоже думает, что я толстая? И пусть я ему нравлюсь такой, какая есть, но все равно это было бы неприятно. Поэтому я и сказала:

– Шьем.

Знала бы я, на что подписываюсь! Как только сшили первые два платья из заказанных, все мои старые Шарлотта вынесла и выбросила втайне от меня. И это было ужасно – под новые предполагался корсет, который я терпеть не могла. Возмущаться я начала сразу:

– Лотта, и как, по-твоему, я на занятия ходить буду?

Но сестру этим не проймешь.

– Как все нормальные девушки, – невозмутимо пожала она плечами. – У вас вся академия так ходит, и ничего, никто не умер. Или умер, а я не знаю?

Она лукаво на меня посмотрела. Но я ее веселья никак не могла разделить.

– Ладно на лекциях – там просто сиди да пиши. Но на практических занятиях – это же не повернуться нормально, – не сдавалась я. – Верни мою одежду! Немедленно! Я к ней привыкла!

– Ничего, и к этой привыкнешь, – безжалостно заметила сестра. – Ты теперь на личную инориту стала походить, а не на пугало огородное. Потом, все твоё старье давно на помойке. Обживай новое, привыкай, а то как ты на балу двигаться будешь? – Она внезапно оживилась и продолжила: – Кстати, как ты танцевать собираешься? Платье, даже самое красивое, умения не даст. Давай учителя найдем?

Нет, можно подумать, я не на Открывающий бал собираюсь, а на Королевский, в надежде поразить воображение принца и выйти за него замуж! Но сестра настаивала, и я решила, что несколько уроков танцев совсем не повредят и к новой одежде привыкну. Но главным для меня было желание не показаться неуклюжей перед Олафом. Так что в этот раз сестре не пришлось прилагать много усилий, чтобы меня уговорить.

Отдохнуть на каникулах мне не удалось. Шарлотта таскала меня то на танцы, то к портному, то к сапожнику, а если вдруг выдавался просвет в этих занятиях, учила делать всякие прически. Ее бы энергию да в мирное русло. Мне пришло в голову, что нужно намекнуть ее мужу, что парочка детей сделала бы ее жизнь счастливой и наполненной глубоким смыслом. Хотя... Я посмотрела на сестру: энергия в ней бурлила и требовала выхода – парочки будет маловато, так, только для затравки. Но, честно говоря, мое изображение в зеркале – белокурая девушка с высокой грудью и тонкой талией – мне очень даже нравилось, а танцевала я так, что даже заслужила одобрение сестры. И все было бы хорошо, если бы не постоянное напоминание о моем глупом поступке. Брачную татуировку пока я успешно скрывала, но браслетов пришлось купить еще – не для всех нарядов нашлись подходящие.

Глава 4

На занятия я ехала с радостью, не только потому, что наконец увижу Олафа, воображение которого собиралась поразить, но и потому, что наконец вырвалась из цепких сестринских рук. Как назло, первым из знакомых, кого я увидела по приезду в академию, оказался Штаден. Приподнятое настроение, возникшее от мысли о скорой встрече с тем, ради кого я испытывала муки ношения корсета, медленно, но неуклонно поползло вниз. Барон окинул меня взглядом с ног до головы и выразительно поднял левую бровь:

– Штерн? Глазам своим не верю. Какое преображение! Тебя в вашей деревне пугало ограбило, а ты отбиться не смогла? Бедная, какой у тебя, наверное, был шок! Надеюсь, лекари душ уже оказали тебе необходимую помощь?

– Штаден, держался бы ты от меня подальше, а то мое терпение не безгранично, – не выдержала я, обходя его по широкой дуге.

Он гадко хмыкнул и пошел по своим делам. А я направилась в свою комнату, к Грете. Подруга уже день как приехала, и ее многочисленные наряды украшали все поверхности нашей комнаты.

– Эрна! Ну наконец-то! Как практика?

Ее вопрос окончательно испортил мне настроение, и так пошатнувшееся после встречи с «мужем». Мне сразу вспомнились мой глупый поступок в Борхене под виселицей и нерешенный вопрос с разводом.

– Да как она может быть в компании Штадена? – не выдержала я. – Лучше про свою расскажи.

Зря я это сказала. После моих слов на Гретином лице проступило жадное любопытство, и я поняла, что сейчас и она примется меня мучить.

– Ты со Штаденом ездила? – завистливо простонала подруга. – О, как бы я хотела быть на твоём месте! Про него такое рассказывают! Он к тебе приставал, наверное?

– Я не в его вкусе, – мрачно сообщила я. – Он меня назвал толстой деревенской дурой.

– Да? – с сомнением посмотрела Грета. – С чего бы это вдруг?

– У него спроси.

Я вспомнила недавнюю встречу с самодовольным хамом, который для меня даже слов приветствия не нашел, и мне так обидно стало, что голос дрогнул, а на глаза навернулись слезы.

– Тебя это так расстроило? – участливо спросила Грета.

– Меня? Расстроило? Мне вообще его мнение не интересно! Грета, он меня так довел за практику, что меня трясет от одного его имени. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Более приятном.

– Кстати, о приятном, – оживилась подруга, – Олаф заходил, спрашивал про тебя. Думаю, как он тебя в этом платье увидит, так вообще голову потеряет. Такое красивое и тебе идет.

– Сходить к нему? – неуверенно спросила я.

– Еще чего! Сам прибежит! Чем меньше за парнем бегаешь, тем больше он тебя ценит. Запомни, – наставительно сказала она.

Тоже мне, специалист по романтическим отношениям. Сама-то к Марку постоянно ходит. Правда, он тоже у нас проводит достаточно много времени. Но увидеть Олафа очень хотелось. Я начала подумывать, не пойти ли мне к нему, когда разложу привезенные вещи. Но Грета оказалась права. Не прошло и получаса, как он опять заглянул. Я радостно улыбнулась:

– Привет.

– Привет. Я зашел напомнить, что завтра первый танец мой, – смущенно сказал он, что, впрочем, не мешало ему улыбаться мне в ответ.

– Думаешь, я могла забыть?

– За лето много чего могло случиться, ты могла и передумать.

Да, за лето много чего случилось, но уж Олафа я точно в известность ставить не буду. Зачем ему это знать? На наш завтрашний танец мое случайное временное замужество никак не повлияет.

– Я тебя успокою, – ворчливо сказала Грета. – Она не забыла и не передумала. Олаф, до завтра еще целый день, пригласил бы девушку прогуляться.

– Грета! – шокированно сказала я.

– Что Грета? Да вы так все время учебы кругами друг вокруг друга будете ходить, а дальше одного танца не продвинетесь. Вот скажи мне, Олаф, ты хочешь ее поцеловать?

Да, в напористости Грете уступали практически все мои знакомые. Я возмущенно на нее посмотрела, но не устыдила. Она продолжала ждать ответа от моего друга, не обращая ни малейшего внимания на мои взгляды. Парень весь залился краской, но твердо ответил:

– Конечно.

– Вот! Я уверена, что и она хочет, чтобы ее поцеловали. Так что идите, дети мои, и без поцелуя не возвращайтесь! – наставительно сказала подруга и гордо на меня посмотрела.

– Грета! – возмутилась я.

Но совесть у нее даже не попыталась хоть немного, хоть ради приличия, погрызть хозяйку, которая выглядела необычайно довольной своим поступком. Тогда я взяла Олафа за руку, и мы пошли гулять. По Гаэрре можно было гулять бесконечно, и мы так славно провели день вдвоем, даже в кафе немного посидели. Мы ели мороженое, Олаф смотрел на меня, я – на него, и мы были так счастливы. А когда он проводил меня до комнаты, то все-таки набрался смелости и меня поцеловал. Мой первый в жизни поцелуй! Он был таким волшебным... Таким нежным... Таким запоминающимся... И немножко волнующим... И это было так прекрасно...

– Если бы не я, он бы тебя не только не поцеловал, но даже погулять бы не пригласил, – заявила на следующий день Грета. – Он хороший парень, только уж больно неторопливый, его постоянно тормозить надо. И если ты не возьмешь это дело в свои руки, то найдется другая, более смелая, и уведет твоего Олафа.

– Если уведет, значит, он меня не любит, – парировала я.

– Вовсе нет, он может посчитать, что ты его не любишь. Ты ведь только краснеешь и стесняешься, а прямо ни в жизнь не скажешь.

– Мне не кажется, что вешаться на шею – это хорошая идея, – возразила я.

– Не вешаться на шею, а проявлять разумную инициативу!

Грету не переспоришь, так что я махнула на нее рукой и отправилась мыть голову. Любимая Шарлоттина прическа требовала тщательной подготовки – предполагалось, что волосы упадут красивой блестящей волной, а не свалятся тусклой жирной паклей! Мои волосы промыть и высушить – задача не из легких, я все порывалась их срезать покороче, но сестра, а потом Грета постоянно меня отговаривали. «Укоротить всегда можно, а попробуй такую красоту опять отрастить», – главный аргумент. А кто ее видит, эту красоту, если она все равно постоянно в косу заплетена?

Я сидела, расчесывала свою шевелюру и страдала. Шевелюра подсыхала, но медленно, закручиваясь в произвольные локоны. Я не рискнула использовать для сушки волос магию – результат для подобных заклинаний не всегда предсказуем, а рисковать перед балом я не хотела. Хорошо, если только лишний раз помыть придется, а если облезу? Нет уж, я лучше попростому, так надежнее. Грета куда-то убежала, и больше некому было надо мной подтрунивать, хотя без нее сразу стало как-то скучновато. Волосы долго не хотели сохнуть, но наконец я решила, что они к укладке готовы. Я аккуратно закалывала в необходимых местах, да еще и проверяла в зеркале точность выполнения. Сестры не было рядом, а без ее подсказок вероятность ошибки возрастала. Мне казалось, что я делаю все правильно, и мне дали возможность в этом убедиться. Когда мне осталось только последнюю шпильку пристроить, ту самую, что

должна удерживать прическу, в дверь постучали, я резко повернулась... Все сооружение рассыпалось, разметав шпильки по всей комнате. Открывать я пошла, уже заранее не питая добрых чувств к пришедшему. За дверью стоял Штаден. Вот кто бы сомневался? Все проблемы в моей жизни только от него! Увидев меня в таком виде, он восхищенно присвистнул:

– Оказывается, ты не так безнадежна, Штерн.

Если это был комплимент, то он меня не порадовал. Услаждать его своим видом я не собиралась.

– Чего тебе надо, Штаден? – нелюбезно поинтересовалась я.

– Штерн, поскольку формально ты моя жена, то я не хотел бы наблюдать за твоими романами.

– Не хочешь – не наблюдай. – Я захлопнула дверь перед его носом.

Будет он мне указывать! Я вот тоже наблюдать за ним не хочу, но я же не бегаю к нему с требованиями, чтобы он покинул нашу академию и меня не позорил. Есть у меня романы, нет – какая ему разница?

– Я тебя предупредил, – крикнул он через дверь и ушел.

Я вздохнула. Не потому, что он ушел, а потому, что мне сейчас придется переделывать все заново. Я собирала шпильки с пола и утешала себя, что случившееся можно считать генеральной проверкой – ведь я впервые делала все без присутствия сестры. Но успокоиться оказалось неожиданно сложно. Вот ведь гад! Он что, серьезно считает, что имеет право мне что-то диктовать? Тоже мне, «муж» нашелся! Я ему не пеняю на слишком бурную личную жизнь, хотя оснований у меня намного больше, вот пусть и он в мою не лезет. Я кипела от возмущения. Несмотря на это, во второй раз мне удалось довести прическу до победного конца. Воткнув последнюю шпильку, я покрутила головой, убеждаясь, что на этот раз моя работа не развалится, пусть хоть десять Штаденов устроят свои пляски под моей дверью. Тут как раз пришла Грета и оценила мои старания:

– Ох ты, как здорово получилось!

– Еще бы, – гордо сказала я. – Прическа с секретом, которая в свое время произвела неизгладимое впечатление на будущего мужа сестры! В Шарлоттином исполнении, конечно.

– А какой секрет? – тут же заинтересовалась подруга.

Я объяснила, что бывает с этой прической от вытаскивания одной шпильки. Грета воодушевилась и попросила показать, но я наотрез отказалась – третью укладку за сегодня я уже не выдержу. Подруга задумалась, не сделать ли ей такую, но потом решила, что раз все равно у нее волос меньше и эффекта такого не будет, то и утруждаться незачем.

– Для Олафа стараешься, – подколола она.

– Конечно, – обезоруживающе ответила я ей.

В самом деле, ведь не для Штадена же мне стараться? И чего такого плохого, что я стремлюсь понравиться своему парню? Я мечтательно улыбнулась, представляя, как мы сегодня встретимся на балу.

– А давай я тебя еще подкрашу, – азартно предложила подруга. – Чтобы у твоего Олафа даже дыханье перехватило!

– От ужаса? – уточнила я. – А то помню, как ты Марка чуть до сердечного приступа не довела!

– Это я под зомби гримировалась! – возмутилась Грета. – Неужели ты думаешь, что я такую свинью подруге подложу? Я тебя остороженько, в нужных местах подкрашу. Ну в конце концов, не понравится – смоешь.

Я немного подумала и согласилась. Я хотела выглядеть сегодня так, чтобы у Олафа даже сомнения не возникло в своем чувстве ко мне. Чтобы я была для него совершенно неотразимой. Такой, чтобы рядом со мной все остальные блекли. Я закрыла глаза и отдала себя во власть Греты. Через полчаса она удовлетворенно сказала, оглядывая дело рук своих:

– Ну вот, сама смотри! Королева, и только! Такую красоту этому тюфяку даже показывать жалко, не оценит.

Но она оказалась не права – Олаф оценил, да еще как оценил! Он весь вечер не сводил с меня восхищенных глаз. Я смушалась, но это не мешало нам с удовольствием танцевать. Когда на улице совсем стемнело и осветительные шары под потолком засияли во всю силу, я вспомнила о своей стратегической прическе. Выставлять ее на всеобщее обозрение не хотелось, и без того уже результат видел совсем не тот. Наверное, мои мысли как-то незаметно передались Олафу, потому что мы неожиданно для обоих оказались в пустой аудитории. Я потихоньку вытащила нужную шпильку и засунула ее за корсаж. Олаф потянулся к моим губам, я с энтузиазмом ответила. Должна признать, что второй поцелуй был ничуть не хуже первого. Да и третий тоже... Короче говоря, мы всю целовались, когда вдруг дверь открылась, и на пороге возник Штаден с неизвестной мне девицей с первого курса.

– Покинули помещение, – скучным голосом сказал он.

Его появление не просто было возмутительным, оно было совершенно не вовремя. Очень похоже, что этот тип задался целью испортить мне всю оставшуюся жизнь.

– Чего это ради? – не стала я себя сдерживать. – Мы сюда пришли первыми. Вам надо, вы и ищите пустую аудиторию.

– В самом деле, – поддержал меня Олаф. – Шли бы вы отсюда.

То, что произошло дальше, было для меня совершенно неожиданным. Штаден плавным движением перетек к нам и заехал моему другу в подбородок. От удара Олаф отлетел метра на два и упал на пол. Я испуганно ахнула.

– Ты совсем с ума сошел? – негодуяще сказала я барону. – Ты что здесь устраиваешь?

Не дожидаясь его ответа, я направилась к своему парню. Сознания он не потерял, но выглядел несколько сбитым с толку, не осознающим происходящее. На первый взгляд помощь лекаря ему не требовалась, но такой удар бесследно пройти не мог.

– Так, Штерн, нам надо поговорить, – сказал Штаден и дернул меня к себе за руку.

Мои волосы от резкого движения ожидаемо рассыпались, полностью закрыв спину. Только вот Олаф, на реакцию которого я рассчитывала, сидел на полу, потряхивая головой и потирая челюсть, и совсем на меня не смотрел, а мнение «мужа» мне было неинтересно, да он и не обратил на данный факт никакого внимания. Наверное, потому что сегодня это уже видел. Штаден потащил меня по коридору. Его девица испуганно проблеяла вслед:

– Кэрст, а как же я?

– Жди меня здесь, я скоро вернусь, – не оборачиваясь, ответил он.

Штаден волок меня в мужское общежитие. Я пыталась упираться, но безрезультатно. Встречные оборачивались, но вмешаться так никто и не рискнул. Это меня очень неприятно поразило. У нас не академия, а сборище трусов! Наконец «муж» втащил меня в свою комнату и начал:

– Штерн, пока мы женаты, изволь вести себя прилично.

– Значит, я буду «вести себя прилично», а ты станешь окучивать всех окрестных девиц? Это дискриминация! – возмутилась я.

– Я же мужчина, у меня есть определенные потребности, – нагло заявил он.

– У меня тоже есть определенные потребности!

– У тебя? Не смей меня, Штерн, какие потребности? Обниматься с этим придурком по темным аудиториям?

– Не только!

– Штерн, все твои потребности я могу удовлетворить полностью, не особо и напрягаясь, – заявил он и впился поцелуем в мои губы.

Как же это было непохоже на нежные прикосновения Олафа! Поцелуй был грубым, отвратительным. Жесткие руки удерживали, не давая вырваться или хотя бы отвернуться.

Меня охватило чувство гадливости, и я отчаянно замолотила кулаками по груди Штадена, пытаюсь освободиться, и наконец это мне удалось.

– Ты... ты... ты скотина! – заорала я и попыталась дать ему по физиономии. – Гадкая, мерзкая, грубая скотина!

От слез еле удавалось удерживаться. Но нет, такого удовольствия я ему не доставлю!

– Что, не понравилось? – ухмыльнулся он, перехватывая мою руку. – Так вот, Штерн, если ты и дальше намерена меня не слушать и продолжать в том же духе, я могу пойти и до взыскания супружеского долга. Поэтому тихо сидишь здесь до утра. Поняла?

От его приказного тона я разозлилась еще больше.

– Еще чего выдумал!

– Если удерешь, пострадает твой мальчик. Обещаю. А утром можешь быть свободна.

Говорил он на первый взгляд спокойно, но как-то так, что меня пробрало до кончиков пальцев. Я ужасно испугалась за Олафа – он ни в чем не виноват, а его уже избили, и теперь намекают, что это продолжится, если я не буду вести себя так, как угодно Штадену. Я ничего не успела ответить, как в комнату без стука ворвался ректор, лорд Гракх.

– Что вы себе позволяете, лорд Штаден? Как вы посмели принуждать девушку? Ваше поведение переходит всяческие границы!

– Я? Принуждать? Что вы, лорд ректор, она здесь абсолютно добровольно, – нагло улыбаясь, ответил мой похититель. – Не так ли, Штерн?

– Так, – ответила я.

А что я еще могла сказать в такой ситуации? В эту минуту я его ненавидела так, как никого раньше в своей жизни.

– В самом деле? – недоверчиво сказал лорд Гракх. – Мне говорили совершенно противоположное. И девушка счастливой не выглядит.

– Кто же эти нехорошие люди, нагло возводящие поклеп на честного человека? – вкрадчиво спросил барон, полностью игнорируя высказывание о моем несчастном виде.

– Не думаю, что это имеет значение, – попытался уйти от ответа ректор. – Если все совсем не так, как мне говорили, то, пожалуй, я пойду. Дел много, знаете ли. Открывающий бал – это такое хлопотное мероприятие.

После этих слов ректор практически сбежал. Штаден последовал за ним, чтобы выяснить, кто на него пожаловался. Я искренне пожелала, чтобы это ему не удалось, и начала осматриваться. Кипящая внутри меня злость требовала немедленного выхода. Уходить нельзя, а вот по поводу порчи имущества ничего не было сказано. В комнате царил просто-таки отвратительный порядок. Все книги стояли ровными рядами на полке над кроватью, вещи лежали не менее ровными стопками в шкафу. На миг я даже испытала нехорошее чувство зависти – такого идеального состояния наша с Гретой комната не имела с момента заселения. Но потом заметила сиротливо выглядывающий из-под кровати носок. Вот! Чего-чего, а носков у нас под кроватями точно никогда не валялось! И меня совершенно не смущал тот факт, что мужских носков в нашей комнате не было не только под кроватью, но и в шкафу.

На столе лежал отчет по практике, выполненный отвратительным каллиграфическим почерком. Отчет образцовый, но я решила, что ему не хватает иллюстраций. Рисовала я не очень хорошо, но, надеюсь, барон оценит мое стремление помочь. Цветочки, зайчики, скелетики. Изобразив на последней странице виселицу с болтающимся в ней телом, я для наглядности подписала «Штаден» и задумалась, чем же еще скрасить жизнь одинокого молодого человека со слишком большим количеством свободного времени. Все-таки переписывание отчета займет его ненадолго. Я с сожалением отказалась от полного уничтожения баронского гардероба, так как вспомнила, как он говорил, что денег у него нет, поэтому всего лишь распустила по швам несколько рубашек, а в штаны запустила простенькое заклинание-путанку, мы им еще в начале первого курса развлекались, вроде и нет ничего, а штаны надеть невозможно. А

потом как-то незаметно для себя я уснула и спала до утра с чистой совестью человека, честно выполнившего свой долг. Когда проснулась, хозяина комнаты все еще не было, но так как я была укрыта одеялом, очень было похоже, что все-таки он заглядывал. Какой заботливый у меня «муж»! Но не наблюдательный... Вспомнив, что я вчера здесь натворила, я поторопилась покинуть комнату Штадена – вряд ли он меня придушит при посторонних, а вот наедине...

Глава 5

Я хотела забыть и про вчерашнее происшествие, и про Штадена, но разве мне кто-то это позволит? Подруга встретила меня с горящими от любопытства глазами и сразу приступила к расспросам. Радовало, что в наших отношениях она не находила ничего романтического, а то с нее станется сочинить любовную историю. Рассказала я ей все, что случилось вчера, правда, при этом даже не намекнула о причине, так что Грета осталась в полном недоумении.

– И чего он к тебе докопался? – спрашивала она.

– Потому что придурок, я тебе сразу так и сказала.

– Странно это как-то. Я бы поняла, если бы он на тебя какие-то виды имел. А то парня твоего избил, тебя в свою комнату засунул, а сам до утра развлекался совсем с другими...

Она вопросительно на меня посмотрела. Я испытала некоторые угрызения совести – Грета моя самая близкая подруга, а я от нее такое событие, как брак, пусть даже случайный, скрываю. Но поступить иначе я не могла – нарушить наш договор со Штаденом с моей стороны было некрасиво. Поэтому я промолчала. От дальнейших расспросов меня спас стук в дверь. Вошла Элиза Фогель, наша одноклассница и по совместительству самая большая сплетница общепития.

– Эрна, тебе барон Штаден просил передать записку, – блестя глазами, возбужденно проворковала она. – Он там внизу с преподавателем фехтования беседует, сказал, что подождет ответа. Ой, а что это у вас там с ним вчера было?

Вот ведь какой гад этот Штаден – нашел с кем передавать записку. Теперь об этом вся наша академия знать будет, да еще с такими подробностями, которые мне и в страшном сне не приснились бы. Я развернула листок, не обращая внимания на вопросы, которые сыпались из Фогель как из рога изобилия. Если бы на занятиях она была настолько любознательной, звание лучшей ученицы всех времен было бы ей гарантировано. Но, увы, учебные знания интересовали ее крайне мало – все ее внимание было полностью поглощено чужой личной жизнью.

– Передай, что я подумаю, – мрачно сказала я.

– А что, что там написано? – жадно поинтересовалась Лиза.

– О, ничего особенного, – спокойно ответила я. – Он просит прощения за вчерашнее. Пишет, что настолько влюблен, что один лишь вид постороннего мужчины рядом со мной приводит его в такую ярость, что он полностью теряет над собой контроль.

В комнате воцарилась тишина, неожиданно прерванная громким «ик» со стороны Фогель. Это позволило ей прийти в себя и даже сказать пару связных слов на прощание. Но глаза у нее были круглые, как тарелочки под пирожные. Как только наша одноклассница вышла, Грета тут же напала на меня с вопросом:

– Что, правда? Не поверю, пока лично не увижу. Чтобы Штаден такое написал?

Скрывать записку от нее я не собиралась, поэтому молча протянула подруге бумажку, на которой было написано: «Твой придурок вызвал меня на дуэль. Спасать будешь или пусть помирует?» Грета прочитала и разочарованно вздохнула. Неужели она действительно надеялась найти там то, что я сказала Фогель? Но долго расстраиваться из-за неоправдавшихся надежд подруга не умела.

– Что будешь делать? – деловито поинтересовалась она.

– Для начала спрошу Олафа, как его угораздило сделать такую глупость. Штаден его приберет и не заметит. Как думаешь, удастся их уговорить помириться?

– Думаю, да. Ведь не враг же себе Зольберг? Не понимаю, зачем ему понадобилось ввязываться в такое заведомо проигрышное дело.

Вопреки уверенности Греты, Олаф наотрез отказался идти на мировую, более того, он даже заявил, что не будет со мной разговаривать, если я попытаюсь вмешаться. Мне не хотелось

отдавать его на растерзание Штадену, поэтому я не теряла надежды все уладить. К сожалению, как я ни пыталась разыскать второго участника дуэли, с ним мне поговорить не удалось до самого ее начала. Подошел ко мне он сам, издевательски улыбнулся и спросил:

– Что надумала?

– Что ты хочешь, Штаден? – спросила я и покосилась на Олафа.

Тот напряженно смотрел в нашу сторону, но молчал.

– Проводишь ночь в моей комнате, – нахально ответил «муж».

– Ты совсем совесть потерял? – аж дернулась от возмущения я.

– Нет, это ты потеряла. Чинишь мою одежду и переписываешь отчет. – Он гаденько поднял левую бровь. – А ты о чем подумала? Хотя ход твоих мыслей занимателен, и я бы несомненно им заинтересовался, только вот, на твоё несчастье, блондинок не люблю.

То, что он предпочитает брюнеток, для меня новостью не стало. Я об этом знала, как и практически вся академия, и меня это совершенно не расстраивало, тем более что собой расплачиваться я не собиралась. Рубашки, конечно, можно зашить, да и отчет переписать. Только вот... Я опять посмотрела на Олафа, тот демонстративно отвернулся. Вот ведь упертый какой, вдруг в самом деле разговаривать не будет. Может, ему действительно в больничном корпусе полезно полежать? Ведь не убьет же его Штаден.

– Нет, – ответила я. – Чини и переписывай сам.

– Дорогая, я же его убью. Неужели тебе совсем не жалко парня? – почти ласково сказал Штаден.

Олафа мне было жалко, только я была совершенно уверена, что в случае моего отказа ему грозит от силы пара недель в целительском крыле. А вот в случае моего согласия наглый тип, стоящий передо мной, поймет, что меня можно безнаказанно шантажировать.

– Если ты его убьешь, тебя выгонят из академии, – напомнила я, – что для тебя крайне нежелательно. Ты сам говорил о тяжелом материальном положении.

– Если ты так внимательно читала правила, то могла бы заметить, что там сказано про отчисление в случае гибели при использовании магии. Чтобы добить твоего мальчика, мне магия не нужна, я достаточно хорошо фехтую. А поскольку вызвал меня он, то моим условием будет поединок на шпагах, без применения магии, – насмешливо сказал он. – Итак, сейчас только от тебя зависит, проткну я его до смерти или только до больничного корпуса. Твое слово?

– Какая же ты сволочь, Штаден! – не выдержала я и даже кулаки сжала, так хотелось его ударить.

– Дорогая, я тебя предупреждал. – Он опять гадко поднял левую бровь. – Теперь во всем, что случится, можешь винить исключительно себя. Последний раз спрашиваю: да или нет?

Одного у него точно не отнимешь – умеет этот гад настоять на своем. Он не оставляет мне другого выхода, кроме как согласиться. А Олаф... Не вечно же он на меня будет обижаться, простит когда-нибудь. Наверное.

– Да, – еле слышно сказала я. – Штаден, давай я твои рубашки почию у себя, а не буду сидеть в твоей комнате?

– Штерн, я тебе больше не доверяю, – насмешливо бросил он. – Мои рубашки слишком мне дороги, чтобы я оставлял их без присмотра. В конце концов, у меня их не так много.

Он развернулся и, небрежно помахивая шпагой, направился к Олафу. Вчера мне казалось, что ненавидеть его сильнее было невозможно, но нет – сегодня этот гад убедил меня в обратном. Ненавидела я его так, что, если бы могла, сама бы вызвала на дуэль и проткнула. И желательно, чтобы целительское крыло ему уже не понадобилось. Грета, молчавшая на протяжении всего нашего разговора, вдруг очнулась и выдавала:

– Эрна, да он действительно в тебя влюблен по уши!

– Такое только тебе в голову прийти может! – разозлилась я. – Пожалуйста, не делись ни с кем своими гениальными выводами.

Подруга только выразительно хмыкнула и отвернулась от меня туда, где должно было проходить действие, ради которого мы и пришли. И не только мы – толпа собралась изрядная. Наверняка все втайне надеялись увидеть поражение Штадена. Но и сегодня дуэль закончилась, не успев начаться. Барон только махнул клинком, как шпага Олафа отлетела в сторону, а тот зажал дырку на руке, из которой сразу потекла кровь. Кажется, никто даже не заметил, как это случилось. Я испуганно вскрикнула и бросилась к своему парню, но он меня отстранил и отвернулся. В больничное крыло его отвели без меня, а я лишь расстроено посмотрела ему вслед.

Я вернулась в нашу комнату, села на кровать и расплакалась. Ну почему, почему я не поехала на практику со всеми? Ничего этого бы сейчас не было. Лучше бы его тогда повесили... Грета пыталась меня успокоить, но безуспешно. Вскоре к ней пришел Марк, и они успокаивали меня уже вдвоем. Надо признать, это у них получилось.

– Простит тебя Олаф, не бойся, – утверждала Грета. – Куда он денется, он любит тебя. Просто ты поставила его в ситуацию, очень непростую для гордости.

– А что это Штаден к тебе пристал? – поинтересовался Марк.

– Мы практику вместе проходили, ты же знаешь, – неопределенно ответила я. – А после того, что он на балу вчера устроил, я ему отчет изрисовала и несколько рубашек по швам распустила.

– Да уж, – хмыкнул Марк, – страсти у вас так и кипят. Помнится, когда мне лет десять было, соседская девочка такими штучками постоянно пыталась мое внимание привлечь. Она еще колючки чертополоха в ботинки засовывала. Можешь взять на вооружение, а то тебе явно свежих идей не хватает.

– Ты что, думаешь, он мне нравится?! – возмутилась я. – Видеть его не хочу, не то чтобы внимание привлекать! – Помолчала немного и мстительно добавила: – А чертополох ему в ботинки я бы с удовольствием насовала. У тебя с той поры не остался?

– Мы с Гретой можем набрать, когда гулять пойдем, – захохотал парень. – Сейчас для этого самое подходящее время.

Они с подружкой продолжали веселиться по поводу моих непростых отношений со Штаденом до тех пор, пока он сам не постучал в дверь. Открыла ему Грета. «Муж» недовольно осмотрел нашу веселую компанию и остановил свой взгляд на мне. Очень неодобрительный. Думаю, после такого количества пролитых слез выглядела я не очень привлекательно, но мнение Штадена по поводу моей внешности меня не интересовало, поэтому я тоже на него посмотрела весьма хмуро.

– Время видела? – спросил он. – Пойдем.

Спорить с ним я не стала – куда деваться? Обещала. Мы пошли в его комнату, где он торжественно вручил мне испорченный отчет и стопку чистой бумаги, а я начала переписывать. Радовало лишь то, что Штаден в своих записях был по-военному краток, а значит, страниц было не так и много. Мой отчет был раза в два толще, правда, и писала я его где-то неделю. Но здесь нужно было не сочинять, а просто копировать текст с одного листа на другой, так что справилась я быстро и с довольной улыбкой вручила «мужу» результат.

– Эту страницу переделываешь, – сказал он, просмотрев мою работу.

– Почему это? – возмутилась я.

Да он должен быть счастлив, что я согласилась! А вместо этого высказывает совершенно необоснованные претензии!

– Неаккуратно написала, и строчки вон вверх задрались. Старательней надо работать.

– Не буду я переписывать еще раз. У тебя и в таком виде примут, содержание-то сохранилось без изменения, – не согласилась я.

– Не будешь? – уточнил он.

– Нет, – твердо сказала я.

– Ну что ж.

Он провел рукой над своим отчетом, что-то прошептал, и все посторонние рисунки и надписи исчезли. Я стиснула зубы. Вот гад!

– Зачем я переписывала? – хмуро спросила я.

– В воспитательных целях, чтобы в следующий раз в голову не лезли глупые мысли. Держи рубашки.

– А ты их магией починить не можешь? – подозрительно поинтересовалась я.

– Даже если бы мог, не стал бы, – усмехнулся он. – Ведь куда приятней, когда любимая жена чинит твою одежду.

– Вот и завел бы любимую жену, – проворчала я.

Посмотрела я при этом на него с большой надеждой. В самом деле, если бы завел он себе постоянную... гм... подругу, то и времени, чтобы надо мной издеваться, у него бы не осталось. И желания, скорее всего.

– Проблема, Штерн, многоженство у нас запрещено. Пока роль любимой придется исполнять тебе.

– Тебе блондинки не нравятся, – подколола я его.

– Выбора все равно нет. Если тебя это так расстраивает, можешь перекраситься, – заявил мне барон. – Только я тебе не советую.

– Почему это? – поинтересовалась я.

Даже иголку из рук выпустила. Все же не каждый день появляется возможность узнать мнение столь крупного специалиста по женскому полу. Вот сейчас скажет, что красить такие волосы, как у меня, настоящее преступление. И что я и без этого хороша.

– Ты шей, Штерн, не отвлекайся. Потому что мне без разницы, блондинка ты, брюнетка или рыжая, ты мне в любом виде не нравишься.

Можно подумать, я ему на шею вешаюсь. Принес бы свои рубашки ко мне в комнату и не наслаждался бы сейчас моим обществом. Не нравлюсь я ему, видите ли... Он мне тоже не нравится, но я же не твержу ему это постоянно.

– Вот и не смотрел бы вообще, – пробурчала я, вшивая рукав на его законное место. Все-таки хорошо, что я не порезала рубашки на ленточки, как первоначально хотела, а то что бы я теперь делала? Магией-то я еще восстанавливать не могу!

– Все, – сказала я, сделав последний стежок. – Я пошла.

– Куда это? – поинтересовался парень.

И вид у него был такой, что я сразу поняла – никуда меня сейчас не отпустят.

– К себе, – неуверенно ответила я. – Восстановительно-ремонтные работы я закончила, по уговору могу идти.

– По уговору, – ехидно заявил барон, – ты здесь до утра сидишь.

– Штаден, – возмутилась я, – имей совесть! Ведь что обо мне будут говорить, ты подумал?

– А что обо мне будут говорить, если ты будешь шляться с кем ни попадя и выплывет правда о нашем браке, ты подумала? – спросил он. – Короче, ложись вон на вторую кровать и молчи.

– Сам бы попробовал в корсете поспать, – пробурчала я.

– В чем проблема? – поднял бровь барон. – Не хочешь спать в одежде, раздевайся.

– При тебе? – возмутилась я. – А ты не обнаглел вконец?

– Дорогая, чего ты возмущаешься? – расхохотался он. – Мы с тобой не чужие люди, ты же моя жена.

Да, попытка найти совесть там, где ее никогда не было, позорно провалилась. Я еще немного посидела на стуле в надежде, что эта самая совесть отошла ненадолго и скоро вер-

нется, но либо она уже давно померла в жестоких муках, либо сбежала от такой расправы куда подальше. С тяжелым вздохом я легла прямо в одежде поверх покрывала. Штаден насмешливо хмыкнул, но комментировать не стал.

– Штаден, а почему у тебя соседа нет? – спросила я.

– Потому, Штерн, что ваши мальчики от меня очень быстро сбегают. Боятся. В вашей Магической академии штаны достоин носить разве что только твой Олаф, пожалуй, а остальные не мужики, а тряпки.

– Почему в «вашей», ты же тоже здесь учишься? – удивилась я.

– Я здесь временно, – ответил он. – Пари заключил, что год продержусь здесь. Да и отца позлить хотелось. Он все пытался мне диктовать, как я должен жить. Даже денег пытался лишить, думал, прибегу к нему с извинениями. Но стипендию платят и у нас, и здесь, а на нее прожить можно, если не шиковать. У вас она даже немного больше.

– А из-за чего вы с отцом поругались?

Мой вопрос Штадену не понравился. Он помрачнел, нахмурился и довольно зло на меня посмотрел.

– Так, Штерн, – раздраженно сказал он, – лицом к стенке, зубы сомкнула – и ни звука больше.

Спорить у меня с ним особого желания не было. Да я и вопросы задавала только потому, что глупо как-то находиться с ним в одной комнате и молчать. Поэтому я повернулась к нему спиной, прикрыла глаза и задремала. Когда утром проснулась, Штадена ожидаемо не было, зато на столе стоял великолепный металлический кувшин с водой, который я аккуратно и поставила сверху на дверь, когда ее прикрывала. Даже если этот гад и не обольется, то, может, хотя бы шишку набьет. После удачной подготовки диверсии на занятия я отправилась в отличном настроении, которое продержалось недолго. Общих пар у меня с «мужем» не было, так что узнать, насколько успешно приложил его кувшин, я не смогла. А вот наши девицы косились на меня и перешептывались. Новость, как я спасла Олафа, гуляла по всей академии под номером первым, обрастая такими подробностями, которые мне и в голову никогда бы не пришли. Все это меня совершенно не радовало. Грета тоже злилась на сплетниц, но доказать кому-нибудь свою правоту у нее так и не получилось. После занятий она решительно взяла меня за руку и потащила в нашу комнату.

– Нельзя ему все спускать! – возмущенно сказала она.

– И что ты предлагаешь? Он здесь любого моментально в больничное крыло отправит, – ответила я без особого энтузиазма.

– Вот! – подняла палец подруга. – Ключевое слово «здесь». У нас же есть Военная академия!

И посмотрела на меня очень выразительно.

– Ну уж нет! – твердо сказала я.

Глава 6

– Улыбайся, – ткнула меня локтем в бок Грета. – Мужчины любят дур, а серьезное выражение лица сразу наводит на мысль о том, что в голове что-то есть. Как бы еще выяснить, что их нашивочки значат? А то нам нужен курс пятый-шестой, не ниже... Молодой человек, можно у вас поинтересоваться, что значат вот эти замечательные полоски и крестики? В самом деле? Ой, как интересно! Значит, у вас второй курс, у пятого крестик с загогулиной, а у шестого два крестика? Нет, спасибо, в кафе мы не пойдем. Всего доброго!

Последние фразы она говорила уже не так доброжелательно и восторженно, как первые. Напротив, ледяной ее тон напрочь отбил у курсанта желание продолжить с ней знакомство в ближайшем кафе. Но ведь сначала она явно ему глазки строила...

– Видел бы тебя Марк, – покачала я головой с осуждением.

Гретина идея мне совершенно не нравилась. Зря я дала себя уговорить!

– Да ладно тебе переживать, – жизнерадостно откликнулась она. – Я ведь с ним в кафе не пошла, хотя мальчик вполне себе. Не бойся, Марк поймет, я же для тебя стараюсь, не для себя. Интересно, здесь вообще старшекурсники ходят или одна мелочь?

Старшекурсники, к моему глубочайшему сожалению, тут тоже ходили. Так что минут через пятнадцать сидели мы с подругой в компании трех молодых людей с шестого курса в ближайшем кафе. Подруга всю кокетничала и заливалась серебристым смехом, я задумчиво ела клубничное мороженое, рассматривала курсантов и мрачно размышляла, кого из них придется отдать на заклятие Штадену. Блондинистого молчаливого Краузе я отмела сразу, настолько он был похож на моего Олафа. Невысокий темноволосый Крастен показался мне недостаточно серьезным противником для нашего барона. А вот светловолосый, рыжеватый Ведель, на мой взгляд, сам походил чем-то на Штадена, то же изредка прорывающееся высокомерие, те же немного хищные движения уверенного в себе человека. Если из этой троицы кто и может уделить моего «мужа», так только он. Но смогу ли я увлечь его настолько, чтобы он захотел из-за меня сцепиться с моим «мужем»? Ведь военные избалованы женским вниманием уже потому, что носили весьма красивую форму, а этот курсант был еще и довольно привлекателен. Грета под столом постоянно пинала меня по ноге, предлагая побыстрее вливаться в общение, нога уже начинала побаливать, так что я была вынуждена принять решение и включиться в разговор.

– Нас на практику никогда группой не отправляют, – рассказывал в это время Крастен. – Магов распахивают по немагическим группам по два-три человека, чтобы учились взаимодействовать с обычными войсками.

– А в вашей академии разве не только маги учатся? – удивилась я.

Несколько нарочито, конечно. Уж такие подробности у нас все знали. Но надо же с чего-то начинать...

– Нет, конечно, – рассмеялся Ведель, – здесь ведь идет подготовка офицерского состава для всей армии, а в ней отнюдь не только маги. Так что у нас есть магическое и немагическое направления обучения.

Вот хорошо, что именно он ответил – теперь я могу обращаться уже только к нему. И все же не нравится мне эта Гретина идея – глупая она какая-то. Более того, внутри меня почему-то зрела уверенность, что ничего хорошего из этого не выйдет. Но подругу подводить не хотелось, так что я взяла себя в руки.

– На магическое берут всех желающих с даром? – улыбнулась я ему.

– Отнюдь, у нас набор ограничен, так что бывает до пяти-шести человек на место, – пояснил он мне.

– Надо же, как интересно, – продолжила я улыбаться молодому человеку, который выглядел весьма заинтересованным. – У нас ведь всех берут, я и не знала, что у вас другие требования. А что, армии маги не очень нужны, если у вас такой набор небольшой?

– Добрый день, дамы и господа, – вдруг раздался подозрительно знакомый голос за спиной.

– Привет, Кэрст! – дружно произнесли наши новые знакомые, и подозрение превратилось в твердую уверенность.

Грета повернулась и со счастливой улыбкой помахала Штадену рукой.

– Хотел бы я знать, – вкрадчиво произнес он, – что здесь делают наши прекрасные дамы.

– Однокурсницы твои, что ли? – спросил Ведель и, дождавшись ответного кивка, произнес: – Понятно. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я поухаживаю за Эрной? Тебе же все равно блондинки не нравятся.

Надо же, все вокруг в курсе предпочтений моего «мужа»!

– Буду, – мрачно сказал барон. – Более того, если ты сделаешь такую глупость, я буду вынужден вызвать тебя на дуэль и убить, на что эта блондиночка, видно, и рассчитывает.

На меня с осуждением посмотрели три пары глаз. Этого я вынести не могла.

– Неправда, – возмутилась я. – Я рассчитывала на то, что убьют тебя, не надо вводить людей в заблуждение!

Три пары глаз с интересом воззрились уже на Штадена.

– И вообще, – пошла в нападение Грета, – вот что ты к ней привязался? Ты же ей жить нормально не даешь! Ты ей кто – брат или муж, чтобы следить постоянно?

– Уважаю, Штерн, – неожиданно серьезно сказал этот гад. – Умение держать язык за зубами дорого стоит. А ты даже подруге не проболталась.

С этими словами он взял меня за руку и стащил с нее браслет, продемонстрировав мою брачную татуировку окружающим, а затем и свою.

– Надеюсь, всем все понятно?

Теперь осуждающе посмотрела на меня Грета.

– Ну и сволочь ты, Штаден! – не выдержала я. – Ведь договорились же молчать, пока развод не получим! Если бы ты знал, как я жалею, что тебя тогда не повесили! А ты вместо благодарности за спасение своей жизни портишь мою!

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Ведель. – Можно поподробнее про «повесили»?

Почему бы и не рассказать? Пусть его друзья тоже узнают, какой это неблагодарный тип.

– В Борхене, где мы проходили практику, его приговорили к казни за дуэль и повесили бы, если бы я не согласилась выйти за него замуж, – пояснила я.

– Много человек его на казнь вели? – вкрадчиво поинтересовался Крастен.

Тон его мне совершенно не понравился. Было в нем что-то неправильное.

– Два стражника, – ответила я, парни переглянулись и заржали как лошади. Я подумала и добавила: – И бургомистр!

– Да, бургомистр – это сила! – согнулся от хохота Ведель.

– Что такого смешного вы нашли в моих словах? – возмутилась я.

– Милая инорита, чтобы повесить нашего друга, двух стражников и бургомистра недостаточно. Кэрст уже не первый раз так развлекается, и мне совершенно непонятно, почему он на вас женился.

– Она с таким пылом бросилась на мою защиту, что сказать «я не согласен жениться, лучше вешайте» было бы невежливо с моей стороны, – усмехнулся Штаден.

Его друзья опять заржали, ибо смехом это при всем желании назвать нельзя было. Похоже, в этой ситуации я выгляжу как последняя дура. Ничего, это всегда можно и исправить. Например, стать предпоследней.

– Значит, тебе ничего не грозило? – внешне спокойно уточнила я.

– Абсолютно, – совершенно невозмутимо ответил этот гад, – со мной мог справиться только достаточно сильный маг, а такого в Борхене не было. Мне настолько надоело это тоскливое местечко, что, когда меня арестовали за дуэль, я специально сказал бургомистру, что добыю его сыночка, как только тот из лечебницы выйдет. Правда, я думал, что меня просто из города выставят, а этот дурак дальше пошел.

– Значит, это из-за тебя я сейчас в такой идиотской ситуации? – С этими словами я выплеснула уже совершенно растаявшее мороженое прямо в лицо этому недоделанному военному и, схватив подругу за руку, сказала: – Идем, Грета, что-то мы тут засиделись.

К сожалению, мороженое так и не долетело до пункта назначения, а собралось в гладкий розовый шарик и опустилось назад в креманку. А я обнаружила, что не могу сделать ни шагу и с возмущением уставилась на Штадена. Сомнений в том, кто виновен в моем обезноживании, у меня не было.

– Сядь, и давай спокойно поговорим, – предложил он.

– Не хочу я с тобой разговаривать!

– Штерн, давай ты не будешь устраивать семейные сцены при посторонних? – вкрадчиво предложил он.

– У нас нет с тобой никакой семьи, Штаден, все окружающие в курсе, – с отвращением сказала я.

– Кэрст, ты не прав, – внезапно сказал Ведель и, не успевшая обрадоваться поддержке, продолжил: – Ну какая она теперь Штерн, она теперь Штаден. Леди Штаден.

И эта тройца опять захохотала. А я от неожиданности села на стул. Как-то раньше мне эта мысль в голову не приходила, даже когда я о баронском титуле думала.

– А ведь точно, – удивленно выдохнула Грета. – Ты же за него замуж вышла. Слушай, это ведь получается, что ты должна об изменении фамилии нашей кураторше сказать.

– Я. Не. Меняла. Фамилию, – четко выговаривая каждое слово, произнесла я. – Меня вполне устраивает собственная. К фамилии «Штаден» я испытываю глубокое отвращение. Леди Кларк сообщать ничего не надо, все равно мы разведемся в следующем году.

– Вы так в этом уверены? – поинтересовался Ведель.

– Во всяком случае, попробуем, – твердо ответила я. – Давайте прекратим обсуждение моей фамилии. Хорошо, Штаден, я тебя слушаю.

– Предлагаю о нашем браке больше никому не сообщать. В своих друзьях я уверен, надеюсь, твоя подруга тоже не из болтливых. Твое поведение вынудило меня все рассказать. А то вдруг в твою голову опять придет дурная мысль искать кого-нибудь в нашей академии, чтобы свести со мной счеты.

– Тебя здесь слишком хорошо знают, чтобы связываться, – усмехнулся Крастен.

– Так она, – небрежный кивок в мою сторону, – не собирается докладывать, с кем придется иметь дело в случае чего.

Все синхронно повернули голову в мою сторону и оценивающе посмотрели, затем Ведель сказал:

– Леди Эрна, все здесь присутствующие могут подтвердить, что ваш муж уделает любого, кто в настоящий момент учится в нашей академии, ну разве что кроме преподавателя по магическим боям, лорда Стоуна, так у того и опыта значительно больше, – а потом повернулся к Штадену и сказал: – Слушай, Кэрст, ты теперь с отцом можешь помириться, вы ведь разругались из-за того, что он женить тебя хотел.

– В самом деле, – задумчиво сказал тот, – как-то я об этом не подумал. Придется ее с отцом знакомить, да еще и показывать ему нашу пылкую любовь.

Меня аж всю передернуло от возмущения:

– Еще чего не хватало! Не буду я ни с кем знакомиться! Мы разводиться собираемся, если вы не забыли.

Никакие уговоры на меня не подействовали – мне была отвратительна сама мысль притворяться влюбленной в Штадена. Ибо испытывающих к нему нежных чувств девиц и без меня хватало. Да при желании он ими может целый дилижанс загрузить и сразу всех оптом отцу показать. Что я ему и посоветовала. «Муж» скривился – моя идея ему по душе не пришлась, но промолчал. Но его молчание мне не понравилось, так как было очень похоже, что он что-то задумал. Что-то для меня неприятное. Его товарищам по предыдущему месту учебы сама возможность представить меня отцу Штадена не давала покоя до тех пор, пока мы с Гретой не решили, что пора нам и в общежитие возвращаться. «Муж» милостиво вызвался нас проводить, а напоследок пригласил друзей заглянуть как-нибудь к нему в гости. Те с энтузиазмом согласились.

Глава 7

Со «свекром» знакомиться я отказалась наотрез. Я находиться рядом со Штаденем не могла, не то что представить, как мы будем изображать счастливую семейную пару. Еще я собиралась рассказать правду Олафу. Уж если этот недоученный военный маг все выкладывает своим друзьям, то мне он запретить никак не может. С Гретой тоже нехорошо получилось. Она ругала меня всю обратную дорогу, не обращая внимания на идущего рядом Штадена, да и в общезитии продолжала злиться. По ее словам, я должна была сразу же все рассказать, ведь мы подруги. Я ей объясняла, что мне попросту стыдно было за такой идиотский поступок с моей стороны и, кроме того, одна только мысль о Штадене настолько меня выводит из себя в последнее время, что лишний раз и думать о нем не хочется. Подруга подулась, подулась и простила. Все-таки у Греты золотой характер, повезло с ней Марку.

Я долго собиралась с духом, но в перерыве между занятиями решила подойти к Олафу. После дуэли со Штаденем он усиленно делал вид, что меня не замечает, – не только не обращался, но даже не смотрел в мою сторону. Меня это ужасно расстраивало, просто до слез.

– Олаф, нам надо поговорить.

– Я сказал, что не буду с тобой разговаривать. – Он даже не повернулся ко мне.

– Хорошо, не разговаривай, просто выслушай. – Я схватила его за рукав и потянула к окну, подальше от любопытных ушей нашей группы. Парень неохотно за мной последовал и начал заинтересованно изучать улицу, все так же не глядя на меня. – Дай слово, что никому не расскажешь то, что сейчас от меня услышишь.

– Даю слово, – пробурчал он, но на меня так и не посмотрел.

Я вздохнула, несколько нарочито, но он не обратил на это ни малейшего внимания и продолжал изображать полное безразличие той частью лица, что я могла видеть. Тянуть с разговором было нельзя – перемена скоро закончится, так что я выпалила:

– Во время практики я случайно вышла замуж за Штадена.

– Как это можно случайно выйти замуж? – округлившимися глазами Олаф уставился на меня.

Мне удалось привлечь его внимание, но, увы, заинтересованность была только в моем ответе, не во мне. Я опять вздохнула и собралась с силами для дальнейшего разговора.

– Я думала, его повесят, поэтому согласилась, – мрачно сказала я. – То есть я согласилась, чтобы его не повесили, а не потому, что надеялась, что сразу овдовею. Теперь мы не можем получить развод, потому что наш брак Богиня благословила. Вот Штаден и требует, чтобы я ни с кем не встречалась, пока мы в браке. Ты не думай, у нас с ним ничего нет, он ко мне даже не пристает.

– А я не думаю ни о нем, ни о тебе. – Олаф высвободил рукав, отвернулся от меня и пошел к группе.

Вот как. Получается, он меня бросил? Я с трудом, но удерживалась от слез. Прилюдных сцен от меня никто не дождется. Вон как Фогель хищно уставилась, хватит с нее того представления, что устроил мой друг. Или теперь уже бывший друг?

– Что Олаф сказал такого, что на тебе лица нет? – подошла Грета.

– Сказал, что не думает ни обо мне, ни о Штадене, – тихо ответила я. – Грета, этот сволочной барон разбил всю мою жизнь! Получается, что он полностью лишил меня возможности встречаться хоть с кем-то, а сам постоянно развлекается! Я это так не оставлю!

– Что ты можешь сделать? – удивилась подруга.

– Пока не знаю, но не оставлю точно.

Во мне зрела твердая решимость отомстить. Я была ужасно зла на Штадена. Следующей парой у нас была Общая магия, лекции по которой читаются всему потоку, поэтому я была

вынуждена любоваться, как Штаден сидит рядом со своей очередной пассией и они мило воркуют, не обращая внимания на преподавателя. Я косилась на них и думала, что же я могу сделать, чтобы осложнить штаденовскую жизнь. Пойти по пути «мужа» и бить всех его девушек у меня не получится. Во-первых, их слишком много, а я одна. Во-вторых, если дело дойдет до драки и, соответственно, вырывания волос, то я в заведомом проигрыше – у его нынешней девицы более тяжелая весовая категория, а волос столько, сколько она у меня всего за один рывок выдерет. Остаться без скальпа ради сомнительного удовольствия проучить Штадена я не готова. Тем более что ему ничего не стоит заменить одну лысую дуру на другую, но уже с волосами. То есть этот способ мне точно не подходит.

В магии он заметно сильнее – в кафе я даже не поняла, как он меня к месту приморозил, и как убрал заморозку, тоже не заметила. И тут меня осенило. Есть один предмет, который в военной академии преподают намного хуже, чем у нас, – артефакты. А что, если зачаровать что-нибудь так, чтобы приводит он свою красотку к себе, а ей какая-нибудь святая Инесса, покровительница брака, является и укоризненно головой качает? У нас артефакты преподавали с начала первого курса, знала я этот предмет очень хорошо. А если вдруг что-то и подзабылось, никто не мешает мне справочник взять. Сама не разберусь, можно Гретиного Марка привлечь, он уже на четвертом курсе, должен знать и уметь больше, чем мы.

Идея меня настолько воодушевила, что я еле дождалась перерыва и помчалась в нашу комнату, где взяла вожделенный справочник. Обложка у него была довольно потрепана и изрисована всякой ерундой, да и привлекать внимание к нему не хотелось, поэтому я взяла на Гретиной полке розовую бумагу с цветочками и обернула книгу. Надеюсь, подруга на меня не обидится. Справочник стал выглядеть очень легкомысленно, на что сразу обратил внимание Штаден, когда я вернулась в аудиторию:

– Что, Штерн, читаем всякую ерунду в духе «Он в порыве страсти бросил ее на кровать, но промахнулся»?

Я не стала ему отвечать и даже не обиделась за это высказывание, потому что он подал великолепную идею: если кровати начнут от них с девицей убегать по всей комнате, свидание у него точно сорвется. Вдруг его очередная пассия окажется устойчивой к укоризненным взорам фантома? Бегающая кровать намного надежнее: если Штаден попытается в порыве страсти свою очередную пассию туда бросить, вместо романтического вечера им предстоит поход к целителям. Возможно, что со временем он натренируется, разовьет еще сильнее мускулатуру и будет бросать с учетом убегания кровати и магического удержания. Глазомер опять же улучшит. Для него как для будущего военного мага – сплошная польза. Мозги заняты, руки заняты, и совсем не до меня. Значит, решено – сначала святая Инесса, так, чтобы ее видела только девица, а если ее это не przyjmёт, тогда им придется устраивать погоню за мебелью! Лектор тихо бубнил что-то себе под нос, а я читала захватывающие описания изготовления артефактов. Да это в тысячу раз интереснее каких-то жалких любовных романов! Там все так понятно и предсказуемо – встретились, поборолись за свое счастье, даже если не поняли, за что боролись, и в конце концов обрели друг друга. А в артефактах можно столько заклинаний скомбинировать, сколько вариантов ни один романист не придумает. Была бы только сила, которой у меня не так много, поэтому от энергоемких заклинаний пришлось отказаться. Сразу выяснилась неприятная деталь: если для иллюзии можно взять маленький предмет, например, булавку, то для того, чтобы двигать предметы магией, требовалось что-то либо объемное металлическое, либо дорогий ювелирный самоцвет. На большие денежные траты ради Штадена я была не готова, а лишний объемный металлический предмет в своей комнате он вряд ли не заметит – при таком конкурсе в их академию идиоты туда попадать не должны. И тут мне вспомнился замечательный кувшин в его комнате, надеюсь, он не помялся от контакта с головой этого гада! К сожалению, результата своей диверсии я так и не узнала, хотя меня и подмывало напрямую спросить у своего «мужа», как ему понравилось. В идеале, конечно, нужно бы и зачаро-

вать именно тот кувшин, что стоит во вражеской комнате. Вот только это времени требует, а хозяин может пропажу заметить. Придется купить такой же, хорошо, что кувшин обычный – такие даже в лавке рядом с академией продают. План составил быстро. Я еле досидела до конца лекции, подскочила и понеслась к выходу. Удивленная Грета пыталась меня задержать, но после моего объяснения захихикала и пошла со мной.

Чаровали мы вместе. Благодаря Грете иллюзия у нас получилась замечательной. Все-таки, чтобы сделать ее качественной, нужны художественные способности, которых у меня нет. Святая укоризненно смотрела, сурово сдвинув брови, и неодобрительно качала головой. Если под таким взглядом девица сможет хотя бы целоваться, у нее очень крепкие нервы. Иллюзию мы запихали в булавку, магии эта красота требовала всего ничего. И приступили к кувшину. Задача была сдвинуть кровать при попытке хотя бы сесть на нее. Пропыхтев с полчаса, желаемого мы добились – кровати бегали по всей комнате, даже на потолок левитировали, если рядом было больше одного человека. На это ушло почти три четверти моего и половина Гретиного резерва. Все сливать сегодня нельзя – у нас практические занятия впереди, но и так на пару дней Штадену должно хватить развлечений. Мы чуть передохнули и пошли в мужское общежитие.

– Как в его комнату попадем? – деловито спросила подруга.

Я задумалась. Почему-то раньше мне этот вопрос в голову не приходил. Те два раза, что Штаден меня туда притаскивал, с замком он не возился. Может, и сейчас нам повезет? Так и получилось – я лишь чуть толкнула дверь, как она распахнулась. Интересно, Штаден совсем не боится, что к нему гости без приглашения ходить будут, да еще и с самыми черными намерениями? Грета заходить не стала, чтобы не сработали наши артефакты и не начала бегать мебель. Но мне ее помощь сейчас не была нужна. Булавку я воткнула в подрубочный шов штор так, что при беглом осмотре ее заметить было совершенно невозможно, так как снаружи торчала только крошечная головка, почти не отсвечивающая. Заменяла кувшин на столе, и мы с чувством выполненного долга отправились на занятия. Хорошее настроение не покидало меня до обеда, ровно до того момента, когда к нам с Гретой за столик подсел Штаден, аккуратно поставил свой поднос и вкрадчиво поинтересовался:

– Штерн, что ты делала в моей комнате?

– Штаден, мне делать больше нечего, как по твоим комнатам ходить, – не моргнув глазом ответила я. – С чего ты взял, что я там была?

– Ты лекции прогуляла!

– Мы с Гретой по лавкам ходили, – отрезала я. – И даже купили кое-что необходимое.

Грета с трудом сдержала зародившийся смешок, что было отмечено Штаденом задумчивым взглядом. Но допрашивать он продолжил меня:

– Да? Сигналки в моей комнате утверждают, что ты была именно там, правда, почему-то без Греты.

Зря мы рассчитывали, что он не заботится о сохранности своей комнаты. Теперь нужно выяснять, как эти самые сигналки выявить и обмануть, так как на кувшине я останавливаться не собиралась. Можно, конечно, и с кувшином продолжить, теперь для этого мне контакт с ним не нужен. Чтобы сразу лилась холодная вода на темечко этому гаду, стоит ему лишь в комнату зайти. Я представила эту картину и мечтательно улыбнулась.

– Дорогая, я жду ответа, – напомнил о себе Штаден, которому моя улыбка совсем не понравилась.

– Жди, – спокойно согласилась я и начала тщательно пережевывать овощное рагу.

Вот умеют наши повара иногда так вкусно готовить, что просто не оторваться!

– Ответа не будет? – уточнил он.

Я отрицательно покачала головой. Не говорить же ему, что я как приличная жена пришла собрать его грязные вещи в стирку? С него станется всунуть тюк белья и похвалить за энтузиазм. А ничего другого мне в голову не приходило.

После занятий мы с Гретой мирно сидели на скамеечке напротив мужского общежития – интересно же посмотреть на реакцию штаденовской пассии. Я переписывала пропущенные лекции, взятые у Фогель, у нее в нашей группе самый разборчивый почерк. Грета посматривала по сторонам, чтобы не прозевать начало работы наших артефактов. Штаден появился почему-то один, покосился на нас, хмыкнул особенно гадко, но говорить ничего не стал.

– Чего это он один пришел? – раздосадованно сказала Грета. – Мы зря, что ли, тут сидим?

– Не нервничай. Может, его подружка еще подойдет, – попыталась я ее успокоить.

Но сама я тоже расстроилась не меньше. Столько трудов, а где результат? Вдруг он все уже обнаружил? Хотя мы старательно маскировали артефакты, фонить они не должны, но кто знает, на что этот гад способен. Учили же его в Военной академии чему-то все эти годы?

– Не подойдет, – вдруг хихикнула подруга, – но результат все равно увидим, ну, или услышим.

Тут я тоже увидела штаденовских друзей из Военной академии. Троица весело переговаривалась и посмеивалась, но целеустремленно шагала к мужскому общежитию, не особо отвлекаясь. Нас они тоже заметили и радостно замахали руками. Но к нам направился только один, а двое остальных продолжили идти, куда и собирались. Ведель подошел, вежливо с нами поздоровался и спросил:

– Простите, Эрна, вы действительно вчера искали человека, способного вызвать Кэрста на дуэль?

– Действительно. Но это идея Греты, – ответила я. – Сама бы я на это не решилась.

– Мне показалось, вы выбрали для этой цели меня?

– Нет, не показалось.

– Можно вас спросить о причинах?

– Вы мне показались наиболее сильным. Разве это не так?

– Так. – Он довольно заулыбался. – Эрик и Ролф намного меня слабее, а у меня на дуэли с Кэрстом действительно есть шанс, и неплохой.

Я пожала плечами. Сейчас меня это совершенно не интересовало: все равно курсанты отказались драться, а мы с Гретой с замиранием сердца ждали работу наших артефактов. Я и сейчас в разговоре постоянно косилась на мужское общежитие, но там пока ничего интересного не происходило.

– Скажите, Эрна, – неожиданно произнес Ведель, – если бы вы не были замужем за моим другом, вы согласились бы встретиться со мной?

Его вопрос был настолько неожиданным, что мы с Гретой отвлеклись от штаденовского окна и изумленно посмотрели на парня. Ведель не смутился, он все так же внимательно на меня смотрел и напряженно ждал ответа. Для полного счастья мне не хватало только еще одного недоученного военного мага!

– Нет, – честно сказала я.

– Почему?

– Я люблю другого.

– Штадена? – убито спросил он.

Грета за моей спиной поперхнулась от смеха, но я ее радости не разделяла.

– Штадена и без меня есть кому любить, – возмущенно сказала я. – Я в клуб его поклонниц не собираюсь записываться.

Тут все и началось. Из открытой форточкой послышался громкий хохот, мы с Гретой расстроено переглянулись – святая Инесса не нашла понимания в огрубевших военных сердцах, а вот девица наверняка бы визжать начала.

– Что там происходит? – спросил Ведель, на которого мы совсем перестали обращать внимание.

Мы ему не успели ответить, как до нас донеслись грохот и такая выразительная многоступенчатая ругань! Да, святые, они такие – вовремя не покаешься, так и огребаешь по полной! Судя по высказываниям, полет кроватей удался на славу.

– Сразу видно, что у вас есть курс прикладной лингвистики по армейским ругательствам. Такая длинная тирада, и ни одного повторения, – восхищенно сказала Грета. – Кто это такой изобретательный? Нужно попросить его повторить под запись.

– Это Крастен, – усмехнулся наш собеседник. – Вы мне объясните, что там происходит?

– Штерн! Сюда! Быстро! – раздался командный голос из окна.

Это он мне? Наглость некоторых не имеет границ! Ага, вот прямо сейчас бегу! Хотя бежать пора, только в другую сторону. Я посмотрела на Грету, она поняла меня без слов.

– Ой, с вами было так интересно, Дитер, – пропела она, – но нам столько надо к завтрашним занятиям сделать. Правда, Эрн?

– Да, нам пора. Было приятно вас повидать, – церемонно сказала я.

Мы порысили в сторону нашего общежития, переглядываясь и хихикая на ходу. Не добижали мы метра два. Штаден схватил меня за руку и опять потащил к себе.

Причины для злости у него были. В комнате творился сущий бардак. Одна кровать гордо висела под потолком, другая жалобно жалась к стенке и выглядела по-настоящему несчастной. По полу были разбросаны тетради и несколько учебников. Посреди комнаты висел фантом святой и укоризненно смотрел почему-то только на Крастена. Тот хихикал и пытался обойти наше творение кругом, но оно неизменно поворачивалось к нему лицом. Пришедший за нами Ведель с интересом осматривался.

– Штерн, быстро все убрала, – скомандовал Штаден.

Убрать? Это он погорячился. Бытовые заклинания у меня всегда выходили отлично. Заклинание «липучки» – и по полу закружил маленький смерч, собирая все в один компактный шарик. Я особо не присматривалась, но три носка и один шейный платок туда точно попали, бумагу это заклинание, к сожалению, обходит, так что пара учебников, валяющихся на полу, не пострадали.

– Убрала. Сам выбросишь? – Я торжественно вручила «мужу» шар мусора.

– Да у вас тут очень весело! – расхохотался Крастен. – С такими девочками точно не заскучаешь.

– Грета в восторге от вашего выступления, – вспомнила я. – Может, запишете ей свою речь?

– Я лучше ей лично повторю, – заявил он.

Штаден раздраженно вертел в руках шар мусора и пытался выдрать из него хотя бы один носок, но заклинание не зря называлось липучкой, все, что попадало в шар, достать было уже невозможно, во всяком случае в целом виде.

– Дорогая, что это значит? – ледяным тоном спросил он.

– Ты просил убрать? – удивилась я. – Мне для тебя ничего не жалко – смотри, какой теперь идеально чистый пол в твоей комнате. Осталось только книги с тетрадями собрать, но мне кажется, что ты с этим и сам справишься. Будущему военному магу это должно быть несложно.

А что? Если уж человек мечтает служить в нашей доблестной армии, пусть учится правильно формулировать приказы. Кроме того, с чего это он взял, что имеет право мной командовать?

– Так, – жестко сказал Штаден. – Убираешь свое произведение из центра комнаты и ставишь кровати на место.

– Я? Кровати? – возмутилась я. – Я тебе не грузчик их двигать. Твои друзья их распугали, вот пусть на место и ставят.

Мой «муж» задумчиво осмотрел прекрасную, заставляющую мою душу петь картину в своей комнате – фантом, шарахающиеся кровати, громко ржущих друзей, шар мусора в руках, – нахмурился и решил попробовать по-другому.

– Эрна, – неожиданно ласково сказал он, – тебе так понравилось ночевать в моей комнате? Если все на место не вернешь, обещаю, будешь ночевать сегодня не только в моей комнате, но и в моей постели.

– Сомневаюсь, что ты в состоянии выполнить это обещание, – ядовито заметила я. – Ты сначала догони кровать, а потом угрожай.

– Легко, – ответил он, притянув магическим захватом ту, что висела под потолком. Бедная мебель буквально дрожала от омерзения, но вырваться не смогла. – Я могу всю ночь ее так продержать, уверяю.

– А сил-то хватит? – не сдавалась я, но уже не с таким напором – уж больно уверенным этот гад выглядел.

– Предлагаешь проверить? – промурлыкал он. – Я только за.

Его поведение возмутило меня до невозможности:

– Неужели тебе не достаточно твоих девиц?

– О, да ты ревнуешь?

– Еще чего не хватало!

Я просто кипела от злости. Чего выдумал! Буду я ревновать такое ничтожество!

– Тогда что это значит? – Он показал рукой на творящееся в комнате безобразие.

– Если у меня здесь нет личной жизни, то и у тебя не будет, – нахально сказала я ему.

– Что, сбегал твой Олаф? – ехидно спросил он.

От его слов мне неожиданно стало очень больно. Я махнула рукой, деактивировав оба артефакта, повернулась и пошла к себе. Я не собиралась обсуждать моего Олафа с этим гадом. Кровати с облегченным стуком приземлились на пол. Я запоздало подумала, что сначала нужно было убедиться, что под ними никого нет. Оглядываться я не стала – возмущенных криков нет, значит, никто не пострадал. А если и пострадал, то возмутиться уже не мог.

– Неплохо она тебя уделала, – заметил за моей спиной Ведель.

Признание заслуг со стороны курсанта меня не порадовало. Что ответил Штаден, я не слышала, слишком далеко ушла, да и неинтересно мне это было.

Когда я пришла в комнату, Грета уже всю рассказывала Марку о нашей диверсии и от души хохотала. Только ее жениху было совсем не так весело, как нам.

– Вы не слишком над ним издеваетесь? – спросил он.

– Поверь, он этого заслуживает, – ответила Грета. – Я тебе сейчас все рассказать не могу, слово дала.

– Он еще не этого заслуживает, – мрачно подтвердила я.

– Девочки, вы бы лучше над кем другим извращались, – неожиданно серьезно сказал Марк. – В Эрну он влюблен и будет до какого-то предела терпеть ее выкрутасы, а вот на тебе, Грета, может отыгаться за обеих.

– Насчет «влюблен» ты ошибаешься, Марк, – в тон ему ответила я, – и очень. Но Грету я постараюсь больше не впутывать.

Наверное, он прав, что беспокоится о моей подруге. А для Штадена у меня еще найдется пара приемчиков. Пусть не думает, гад, что так легко отделался. Не я начала эти военные действия и сдаваться на его милость не собираюсь. Кто мне помешает активировать эти артефакты завтра? Для этого мне даже в его комнату заходить не надо. Засыпала я почти счастливая. Главное, завтра после нового задействования артефактов засесть где-нибудь подальше, чтобы «муж» меня не нашел.

Глава 8

Утро для меня началось очень печально. Нет, мы с Гретой не проспали и даже успели плотно позавтракать. Только в начале первой же лекции в аудиторию заглянула секретарь ректора инора Даббс, укоризненно на меня посмотрела и сказала:

– Студентка Штерн, к ректору.

Когда я направилась к выходу, по аудитории пронеслись шепотки, лектор неодобрительно молчал и смотрел так, словно собирался запомнить, кому на экзамене задавать дополнительные вопросы по этой теме. Радовало, что снимают не с практического занятия, которое придется потом отрабатывать. Других поводов для радости не было.

Раньше я ни разу не была в кабинете ректора – студентов туда без особой необходимости не приглашают. Кабинет был невелик, гораздо меньше ректорской приемной. Мебели там тоже было всего ничего: сейф, шкаф с толстыми талмудами по магии да письменный стол с креслом, мягким даже на вид. Два дополнительных стула – для меня и куратора нашей группы, леди Кларк – занимали все оставшееся свободное место. Леди Кларк уже сидела, величественно выпрямившись, и вела неторопливую беседу с хозяином кабинета. Сначала я обрадовалась, что не останусь без поддержки перед ректором, а потом посмотрела на ее недовольное лицо и испугалась еще больше.

– Инорита, то, что вы устроили вчера в мужском общежитии, это ни в какие рамки не лезет, – экспрессивно сказал ректор. – Вы подписывались при поступлении под правилами проживания! Там черным по белому написано, что использование магических заклинаний выше первого уровня допустимо только в специально оборудованных помещениях академии под наблюдением преподавателя. Ваш артефакт, сделанный из кувшина, тянет по меньшей мере на четвертый. Какое безобразие! А если бы гостей лорда Штадена кровати придавили? Какой был бы позор для нашей академии!

Зачем он выдумывает всякую ерунду? Ничего же такого не случилось. Да и штаденские дружки – это не наши скромные девочки-первокурсницы, за себя они точно смогли бы постоять. Военных магов какими-то жалкими кроватями не придавишь.

– Эти гости – маги из Военной академии, шестой курс, – не выдержала я. – Ничего бы с ними не случилось!

Леди Кларк неодобрительно покачала головой на мой выпад, но промолчала.

– Что-то я не слышу раскаяния в вашем голосе, – раздраженно сказал ректор. – Хотя то, что они были из Военной академии, несколько вас оправдывает. Все-таки противостояние между нашими учебными заведениями имеет давнюю историю. И что, неужели они не смогли отключить ваш артефакт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.